

Купер Ф.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
«Блуждающий Огонь»,
или «Крыло-и-Крыло»

Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений

Джеймс Фенимор Купер
**«Блуждающий Огонь»,
или «Крыло-и-Крыло»**

«Алгоритм»

ББК 84(7США)

Купер Д.

«Блуждающий Огонь», или «Крыло-и-Крыло» / Д. Купер —
«Алгоритм», — (Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02242-5

Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, чьи произведения еще при жизни автора завоевали огромную популярность как в США, так и в Европе. В его книгах рассказывается о героизме отважных покорителей Дикого Запада, осваивающих девственную природу Америки, о трагической судьбе коренных жителей континента – индейцах, гибнущих под натиском наступающей на них цивилизации. Действие романа «Блуждающий Огонь», представленного в данном томе, разворачивается в Средиземноморье, на живописном побережье Италии, где столкнулись интересы послереволюционной Франции и «владычицы морей» – Англии. На этом историческом фоне и ведется рассказ о приключениях отважного француза и его возлюбленной.

ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-02242-5

© Купер Д.
© Алгоритм

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	26
Глава VI	30
Глава VII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Джеймс Фенимор Купер
«Блуждающий Огонь»,
или «Крыло-и-Крыло»**

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2008

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2008

Предисловие

Вопрос о том, какая часть следующей легенды истинна и какая – вымысел, оставлен нарочно сомнительным, чтобы историки, которые не имеют лучшего занятия, могли употребить свое время на начертание этой линии разделения.

Мы также ничего не имеем более сказать о Рауле Иваре, Джите Караччиоли и маленьком «Блуждающем Огне» как то, что находится в самом произведении.

Свет слишком мало слышит о том множестве подробностей, которые образуют целое в эпизодах на море, и знает их еще менее. Историки пользуются несколькими главными обстоятельствами, относящимися то к сражениям, то к договорам, то к кораблекрушениям, а все остальное остается пробелом для большей массы человечества. Справедливо говорят, что жизнь каждого человека, если она рассказана просто и ясно, содержит целую кучу уроков столько же полезных, сколько и занимательных; и равно справедливо то, что каждый день, проведенный на палубе судна, дал бы что-нибудь интересное для рассказа, если бы сухие заметки судового журнала могли быть записаны в литературном стиле искусным наблюдателем. Судно, одинокое среди безлюдного океана, служит предметом размышления и источником как поэтических, так и добрых нравственных чувств, и так как нам редко надоедает писать об этом предмете, мы желаем, чтобы, из некоторого рода симпатии, те, которые делают нам честь, составляя особый род нашей литературной клиентуры, никогда не устали нас читать.

Это произведение – седьмой морской роман, который мы имели возможность предложить публике. Когда мы закончили первый, наши друзья уверяли нас, что мы испытаем неудачу из-за слабого сюжета и его неприятных подробностей. Но их предсказание не только не оправдалось относительно наших скромных усилий, но и вкус публики к подобным произведениям сохранился достаточно надолго, так что получил от того же ствола значительное число отпрысков во все стороны. Мы надеемся, что в данном случае в нашем новом дитяти можно будет найти достаточно сильное сходство с прежними, чтобы они могли войти в их группу и занять там место, как член той же семьи.

Глава I

Отражая красоты неба, море всей глубиной своего пространства рисует его на своих водах во всех оттенках, от пышного заката солнца до восхода ночных светил, представляя все его волшебное разнообразие. Но вот все изменяется; более бледные тени покрывают горы его плаща; день, оканчиваясь, умирает, как дельфин, которому приступы смерти дают все новую и новую окраску. Самая последняя – самая очаровательная; но, наконец, она исчезла, и все черно.

Байрон. Чайльд Гарольд

Прелесть Тирренского моря прославлена еще со времен Гомера. Все путешественники признают вообще область Средиземного моря с его извилистыми, живописными берегами, с Альпами и Апенниннами, первой страной по климату, богатству, плодородию почвы и красоте местоположения. Совершенно особый мир представляет этот чудный уголок земли с обширной водной гладью, усеянной красочно оснащёнными судами, с высокими башнями на утесистых горах, по склонам которых расположились монастыри. Эта картина не только приковывает к себе очарованного путешественника, но навсегда сохраняется живой, как одно из чудных воспоминаний прошлого.

Именно в этот поэтический уголок земного шара, нередко оскверняемый самыми мрачными человеческими страстями, мы приглашаем читателя. Никто не станет отрицать, что эта богато наделенная природой часть земного шара еще совсем недавно была свидетельницей и местом ужасной жестокости и несправедливости, вызванных различием племен, населяющих ее, различием их общественного положения, их обычаев и религии. Природа и человеческие страсти соединились здесь, чтобы сделать этот уголок похожим на человеческое лицо, часто под улыбкой и почти божественным спокойствием скрывающее самые бурные страсти, уничтожающие все наше счастье. В течение целых веков турки и мавры делали опасным для европейцев плавание среди цветущих берегов Средиземного моря, а следом за уничтожением власти этих варваров оно сделалось ареной борьбы между самими победителями.

Всем памятные события с 1790 по 1815 год, ныне ставшие достоянием истории. Не будь очевидцев тех страшных событий, можно было не поверить тому, что все это происходило, настолько успокоились теперь все стороны, участвовавшие в этой борьбе¹. Тогда каждый месяц приносил известия о победе или поражении, о низложении правительств или завоевании какой-либо области. Все было в волнении. Робкие люди с удивлением оглядываются на эту эпоху, молодежь с недоверием, неугомонные и беспокойные умы с завистью.

Годы 1798 и 1799 наиболее памятные из того времени, и на них мы просим читателя перенести воображение, так как к этим крупным событиям и тревожным годам относятся факты, о которых мы намереваемся поведать.

Под вечер прекрасного августовского дня легкое судно, словно сооруженное руками волшебниц, входило в канал Пиомбино, подгоняемое благоприятным ветерком. Оснастка судов Средиземного моря вошла в поговорку по своей изысканной, живописной красоте. Эти суда разных типов и носят различные названия. Настоящее судно представляло трехмачтовый люгер с огромным надутым парусом, черным корпусом, оживленным одной небольшой красной каймой под руслениями, и с таким высоким планширом, что из-за него виднелись только шляпы самых высоких матросов. Новоприбывшее судно казалось подозрительным, и простой

¹ Настоящий роман написан в 1862 году. *Ред.*

рыболов не решился бы подойти к нему на расстояние выстрела, пока не определятся яснее его намерения. Морские разбойники нередко появлялись вдоль берегов, а такое появление было далеко не безопасно даже для дружественных наций.

Люгер был в полтора тонна водоизмещения, но черный цвет, в который он был окрашен, значительно скрадывал его размеры, к тому же он глубоко сидел в воде. Парус на нем был двойной, то есть состоял как бы из двух крыльев, которыми он взмахивал, как птица, очень удивляя толпившихся на берегу моряков, внимательно следивших за всеми его движениями и поверявших друг другу свои сомнения на довольно ломаном итальянском языке. Все это происходило на каменистом мысе, возвышающемся над городом Порто-Феррайо на острове Эльбе. Небольшая гавань этого города совершенно не видна с моря, как будто она нарочно желала укрыться, чтобы избежать таких неожиданных посещений, как настоящий подозрительный корабль. Однако, несмотря на свои небольшие размеры, гавань была достаточно укреплена на случай защиты от неприятеля. Набережная была тесно застроена домами.

В настоящее время, привлеченные слухами о появившемся иностранном судне, все жители бросились на мыс, и на улицах было пусто. Приближение люгера к этому сравнительно мало посещаемому порту произвело на его простых моряков такое впечатление, какое вызывает появление ястреба на птичьем дворе. Пошли различные догадки о характере и цели посещения этого чуждого судна.

Томазо Тонти был старейшим моряком острова Эльбы, и его мнение, как человека опытного и благоразумного, пользовалось общим доверием, если дело касалось моря. Кто бы ни прибыл в город – купец ли, трактирщик, рудокоп, – его первой заботой было разыскать Мазо, или Тонти, так как он известен был одинаково под обоими этими именами, и к нему обратиться со всеми своими сомнениями. И тогда толпа человек в двести окружала оракула, а мужчины, женщины и дети слушали его, как слушают проповедника в моменты наибольшего религиозного вдохновения. Никто не перебивал его вопросами, никто не становился перед ним, чтобы не загораживать ему вида на море. Одни старики, его сверстники, не стеснялись высказывать свои предположения, и Тонти не мешал им говорить, но сам высказывался очень мало и осторожно, чем и обязан был приобретенной им репутации, так как всегда заставлял предполагать, что знает больше того, что высказывает. В данном случае из осторожности или потому, что действительно нелегко было остановиться на каком-нибудь определенном предположении, но он упорно молчал, и его пасмурное лицо не предвещало ничего хорошего.

Что касается женщин, то весть о появлении иностранного судна не могла не привлечь порядочного количества их на скалу. Большинство из них протеснилось, насколько можно было, ближе к старому лоцману, чтобы первыми узнать и распространить новость. Но, по-видимому, среди самых молодых девушек была своя толковательница, по крайней мере, человек двадцать самых хорошеньких из них окружило Джиту; может быть, в данном случае ими отчасти руководило также чувство скромности и некоторой сдержанности, менее присущими особам зрелого возраста и низшего круга. Впрочем, что касается высоты общественного положения, то надо сказать, что все население города делилось на два класса: купцов и работников, исключение составляли только несколько чиновников, адвокат, доктор и небольшое число священников. Губернатором острова был один высокопоставленный тосканец, но его посещения были очень редки, а его заместитель, местный уроженец, был слишком «свой человек», чтобы напускать на себя важность.

Итак, подругами Джиты были купеческие дочери, немного умевшие читать, посещавшие иногда Ливорно и водившие знакомство с ключницей заместителя губернатора, а потому считавшие себя выше любопытной, вульгарной толпы. Сама Джита обязана была своим личным качествам тому влиянию, которое приобрела над своими сверстницами, так как никому не было известно ни ее общественное положение, ни происхождение, ни даже фамилия; и всего только шесть недель тому назад ее привез на остров и поместил к содержателю гостиницы Хри-

стофору Дови человек, выдававший себя за ее дядю. Своим влиянием она обязана была своему здравому смыслу, решительному характеру, скромному и приличному поведению, своей грации и неотразимо привлекательному личику. Никто и не подумал ни разу осведомиться об ее имени, да и она сама, по-видимому, считала совершенно ненужным упоминать о нем; для нее достаточно было имени Джиты, под которым и все ее знали, хотя и было еще две-три другие Джиты на острове.

Все знали, что Джита путешествовала, так как она на виду у всех приехала на фелуке из Неаполитанской области, как говорили. Если это была правда, то она являлась, по всей вероятности, единственной девушкой на всем острове, видевшей вулкан Везувий и те чудеса Италии, с которыми разве один Рим может поспорить. Поэтому естественно было предположить, что одна Джита могла угадать иностранное судно. Но окружившая Джиту молодежь, несмотря на все свое уважение к ней, далеко не отличалась сдержанностью верных почитателей Тонти; им всем слишком приятно было слушать свои собственные молодые голоса, и они звонко и наперебой высказывали самые невероятные предположения. Одна девушка даже усомнилась в реальности судна, предлагая принять его за простую игру воображения. На это другая заметила, что теперь не время для чудес, так как прошли и пост, и праздник Пасхи. Это объяснение вызвало общий смех. Затем решено было, что это действительно настоящее судно, хотя и не похожее на известные им.

Между тем Джита задумалась не менее самого Тонти, хотя и совершенно по другой причине. Ее глаза почти не отрывались от люгера, прикованные точно волшебными чарами. Если бы кому-нибудь было время наблюдать за выразительным, подвижным лицом девушки, то он был бы поражен быстрой сменой отражавшихся на нем впечатлений. Оно то выражало тревогу, почти печаль, то озарялось лучом радости и счастья; румянец то исчезал с ее щек, то горячо разливался, и ярко блестели глубокие, темные, большие, синие глаза. Но обо всех этих превращениях даже не подозревала столпившаяся около нее шумная и болтливая молодежь.

Тем временем на скалу взобрался градоначальник, Вито Вити, и отдувался, как кит, вынырнувший на поверхность моря, чтобы подышать воздухом.

– Что ты скажешь об этом судне, Мазо? – спросил чиновник, считая себя по своему положению вправе обращаться с вопросами к любому из граждан.

– Я полагаю, что это люгер, синьор, – лаконично и совершенно верно ответил старый моряк.

Синьор Вити был несколько шокирован лаконичностью ответа.

– И вы согласны под присягой подтвердить ваше уверение? – снова обратился он к Тонти.

Тонти, честный до шепетильности, помимо всякой присяги, еще внимательнее всмотрелся в приближавшееся иностранное судно и снова повторил свое первое предположение.

– А могли ли бы вы мне сказать, почтенный Тонти, какой стране принадлежит этот люгер? Вы, конечно, понимаете, насколько важен этот вопрос в наше беспокойное время.

– Вы совершенно правы, синьор подеста, так как если это судно алжирское, маврское или французское, то его появление на Эльбе не доставит большого удовольствия. Но я у вас должен попросить позволения немного подождать с ответом, так как мне надо ближе рассмотреть это судно.

Против разумности такого решения возражать было нечего, и подеста умолк. Но тут, обернувшись, он увидел Джиту, с которой познакомился и о которой составил очень хорошее мнение во время ее визита к его племяннице. Желая воспользоваться случаем приятно поболтать с нею, он обратился к ней с приветливой улыбкой:

– Вот задача нашему бедному лощману; он уверяет, что это люгер, но затрудняется определить его принадлежность.

– Это действительно люгер, синьор, – сказала Джита, облегчая себя глубоким вдохом, как будто ей помогло то, что она заговорила.

– Как! Вы такой знаток в распознавании судов на расстоянии мили?

– Я думаю, что это расстояние не более полумили; а что до определения принадлежности, то мы ее можем узнать только тогда, когда они поднимут свой флаг...

– Святой Антоний! Ты совершенно права, милое дитя, и они должны его выкинуть. Ни одно судно не имеет права приближаться к порту Его Величества, не выкинув своего флага. Друзья мои, – обратился он к окружающим, – заряжены ли, по обыкновению, наши пушки?

Получив утвердительный ответ, подеста поспешил к дому губернатора, и пять минут спустя показались солдаты, направляя пушку в сторону люгера. Молодые девушки заранее затыкали себе уши и волновались, но Джита, слабейшая из них внешне, сильно побледневшая, со сжатыми руками, внимательно следила за всеми приготовлениями. Наконец она не в силах была более молчать.

– Вы, конечно, не направите выстрела в люгер, синьор подеста! – тревожно воскликнула она. – Я не встречала на юге такого способа заставлять поднять флаг.

– О, вы не знаете храбрости наших солдат, синьорина, – самодовольно отвечал тот. – Мы можем заставить трепетать Францию!

Раздался выстрел. Девушки с визгом бросились кто в сторону, кто на землю. Джита, бледная, не отрывая глаз, следила за полетом ядра, не долетевшего до люгера и затонувшего в воде.

– Да будет благословенна Святая Мария! – прошептала она, и на губах ее появилась довольная и несколько ироничная улыбка.

– Славный удар, настоящий удар, прекрасная Джита! – воскликнул подеста, отнимая руки от ушей. – Еще два-три таких, и этот иностранец научится уважать тосканцев. Ну, что ты скажешь, честный Мазо? Объявит нам теперь этот люгер свою принадлежность или предпочтет еще испытать наши силы?

– Будь они благоразумны, они поднимут флаг, но я что-то не вижу никаких к тому приготовлений.

Действительно, люгер, по-видимому, не торопился удовлетворить любопытство жителей. Двое-трое матросов поднялись на мачты, но, очевидно, совершенно игнорируя полученное с берега приветствие. Затем люгер несколько уклонился, как бы желая обойти мыс, и береговая артиллерия смолкла; но вот он вдруг быстрым движением направился прямо в канал – и его встретили новым залпом, причем, как бы подтверждая восторженные похвалы подесты местному гарнизону, ядро упало на этот раз позади судна.

– Очевидно, теперь уже понято ваше желание, синьор подеста, – живо обернулась к нему Джита, – и они не замедлят его исполнить. Ведь не будут больше стрелять, не правда ли?

– К сожалению, солдаты одного с вами мнения, синьора, они уже складывают свое оружие. Очень жаль, так как теперь они, наверное, попали бы в сам люгер, до сих пор вы видели одни приготовления.

– Этого было вполне достаточно, – улыбнулась Джита. Она снова получила теперь способность улыбаться, когда убедилась, что стрелять больше не будут. – Но посмотрите, синьор, люгер готов удовлетворить ваше желание.

Прекрасное зрение не обмануло Джиту, а минуты через две и для всех стало очевидным, что сейчас поднимут флаг. Общее нетерпение увеличилось, все напряженно следили за всем происходившим на иностранном судне, и вот, наконец, флаг поднят, белый флаг с красным крестом.

– Английское судно! – воскликнул Мазо. – Я так и предполагал, но не был вполне уверен.

– Истинное счастье иметь около себя такого моряка, как вы, почтенный Мазо, в это тревожное время. Но удивительно! Что побудило это маленькое судно пуститься в такое далекое путешествие?! Оно как будто желает обойти наш порт.

– По-видимому, – с легким вздохом отозвалась Джита. – Но это, несомненно, английский люгер, мне знаком английский флаг, мне дядя объяснял.

– Ваш дядя ведь на континенте в настоящее время? – вкрадчиво спросил ее подеста, подозрительно всматриваясь в выражение ее лица.

– Я так думаю, синьор, – отвечала Джита, – но я мало знаю о его делах, кроме разве того, что как раз в настоящее время могу ожидать его сюда. Ах, взгляните, люгер заворачивает к нам.

Теперь все устремились с мыса, чтобы встретить на набережной неожиданного посетителя. Мазо и подеста открывали шествие с горы, а молоденькие девушки с Джитой с любопытством спешили за ними. Скоро все разместились вдоль набережной и на ближайших судах, а иностранное судно, благоприятствуемое попутным легким ветром, грациозно и плавно входило в широкую и глубокую бухту.

Глава II

С запасом нескольких французских фраз, много учившись, но ничего не испытав, молодой человек, повинаясь приказаниям своего отца, уезжает на чужбину.

Купер

Почти стемнело, когда прибывшее судно бросило якорь в Порто-Феррайо, и, удовлетворив свое праздное любопытство, толпа начала понемногу расходиться. Синьор Вити ушел последним, считая необходимым свое присутствие при посещении города иностранным судном в это тревожное время. Но, несмотря на всю суетливую деловитость Вито Вити, от его внимания совершенно ускользнуло то обстоятельство, что люгер стал на якорь таким образом, что очутился вне выстрелов со стороны местных укреплений, сохраняя при этом для себя лично полную возможность самообороны в случае враждебного нападения. Но подеста вообще немного знал и думал о направлении пушечных ядер, лишь бы они не трогали его самого.

Из всей недоверчивой, боязливой и любопытной толпы только Томазо и Джита оставались на набережной после того, как люгер бросил якорь. Они не сводили с него глаз. На обязательный служебный допрос: «Кто и откуда?» со стороны карантинных чиновников с судна дан был вполне ясный и благоприятный ответ: из Англии, через Лиссабон и Гибралтар. Упоминание этих мест действовало успокоительно – оттуда не ждали никакой заразы, места были здоровые. Но когда дело дошло до названия судна, то произошел общий переполох.

– Wing and Wing! – отвечали с люгера.

Услышав эти чудные звуки, карантинный персонал был вынужден обратиться к помощи переводчика, который, в свою очередь, оказался далеко не на высоте своего призвания и нисколько не поспособствовал уяснению непонятого слова. После нескольких переключек на люгере подняли новый флаг с изображением на нем двух распростертых крыльев, между которыми ютился маленький люгер; в общем это изображение несколько напоминало летящего херувима и до некоторой степени дало наглядное объяснение названию «Wing and Wing», то есть «крыло и крыло», что послужило к общему успокоению и удовольствию.

Как мы уже сказали, Томазо и Джита позже всех оставались на набережной. Лоцман, как называли Тонти за его основательное знание всего побережья, причем ему даже нередко приходилось руководить плавающими у острова судами, перебрался на палубу одной из фелук, откуда ему очень удобно было наблюдать за иностранным люгером, а Джита осталась на набережной, избегая таким образом непосредственного столкновения с грубыми матросами и в то же время не теряя из виду люгера.

Прошло, однако, по крайней мере, полчаса, пока наконец с люгера спустили шлюпку, и уже совсем стемнело, когда она подплыла к лестнице у пристани и к ней спустились двое таможенных чиновников. Прибывший моряк показал им свои бумаги, которые, по-видимому, оказались в исправности, а потому ему позволили подняться на берег. Джита подошла к гостям. Она была так плотно укутана широкой тальмой, что ее почти не было возможности узнать, но сама она внимательно всматривалась в черты лица и во всю фигуру незнакомца. Она казалась удовлетворенной результатом своего осмотра и немедленно исчезла. Между тем Тонти поднялся на набережную со своей фелуки как раз в это время и сказал незнакомцу:

– Синьор, его сиятельство подеста приказал мне передать вам его приглашение пожаловать к нему; он живет тут поблизости и будет очень огорчен, если вы не окажете ему этой чести.

– Его сиятельство не такое лицо, которое удобно бы было огорчать, – отвечал незнакомец на весьма хорошем итальянском языке, – и я немедленно отправлюсь к нему.

Тут он обратился к привезшим его матросам и приказал им возвратиться на люгер и ждать условного сигнала, чтобы приехать за ним.

Провожая его к Вито Вити, Томазо не упустил случая задать ему несколько вопросов, желая выяснить продолжавшие смущать его подробности.

– Скажите, синьор капитан, давно ли англичане обзавелись люгерами? Кажется, ваша нация предпочитала до сих пор другие формы судов?

Незнакомец громко расхохотался.

– Видно, вам недалеко случалось ездить, а в Ла-Манше, должно быть, и совсем не были, если не знаете, что на острове Гернсей люгера предпочитают всем другим судам.

Мазо признался, что не имел никакого понятия об этом острове, и попросил сообщить ему о нем некоторые сведения.

– Гернсей – остров с больше чем наполовину французским населением, хотя уже веками находился во власти англичан; имена и обычаи там по преимуществу французские.

Томазо промолчал. Если ответ незнакомца не был злостным вымыслом, то рассеивались все его подозрения по поводу слишком французского характера оснастки корабля; но он, конечно, не имел никаких данных, чтобы доверять искренности капитана.

Подеста был у себя и уже поджидал этого посещения, а Тонти, прежде чем удалиться, передал ему наедине все, что успел узнать, а также и все свои подозрения.

Выслушав Мазо, подеста поспешил присоединиться к незнакомцу; но в комнате было так темно, что они едва могли различать лица друг друга.

– Синьор капитан, – обратился подеста к приезжему, – надеюсь, вы позволите мне проводить вас к вице-губернатору, который ожидает вас и желает приветствовать.

Он говорил так вежливо и предложение его было так естественно, что капитану нельзя было не дать своего согласия. Они отправились, и капитан с легкостью молодого человека взбирался на гору, где находился дом вице-губернатора.

Андреа Баррофальди, вице-губернатор, был человеком довольно начитанным, отчасти даже литератором, десять лет уже занимавшим настоящую свою должность и знающим основательно свое дело благодаря своему развитию, но в практической жизни он был таким же простаком, как и его друг подеста.

Придя в помещение Баррофальди, подеста оставил на время капитана одного в первой комнате, желая предварительно поговорить с вице-губернатором без свидетелей. Через несколько минут он вернулся за ним, и капитан впервые предстал перед ним в освещенной комнате.

Перед ним стоял человек лет двадцати шести, высокого роста, стройный и крепкого сложения; на нем изящно сидела его форма морского офицера, и более опытный глаз сразу заметил бы в нем совершенное отсутствие простоты, характеризующей моряков-англичан. Черты его лица не имели ничего общего с внешностью этих островитян, они были строго классические, в особенности рот и подбородок; щеки были бледны, цвет кожи в общем смуглый. Его глаза были черные, как агат, лицо обрамлено также черными бакенбардами. В общем лицо его было поразительно красиво, точно слепок с древней медали, а при улыбке, оживлявшей его, становилось неотразимо привлекательно, как лицо красивой женщины. Тем не менее в нем не было ничего женственного: голос мужской, при всей своей мягкости, взгляд твердый, члены гибкие, сильные и пропорционально сложенные – все обличало в нем мужество и твердость.

Вице-губернатор и подеста поражены были таким богатым соединением внешних достоинств и, после обычных приветствий, не могли отвести от него глаз. Когда затем все сели по приглашению Баррофальди, то подеста заговорил:

– Мне сообщили о прибытии английского судна в наш порт, синьор капитан.

– Совершенно верно, синьор, я служу под этим флагом.

– Вы англичанин? Как прикажете записать вас в нашу книгу? – И вице-губернатор через очки окинул его несколько подозрительным взглядом.

– Джек Смит, – отвечал моряк, делая две ошибки в произношении, ускользнувшие от Баррофальди.

– А название вашего люгера, синьор, – продолжал вице-губернатор, не отрывая пера от бумаги в ожидании ответа.

– «Крыло-и-Крыло», – отвечал моряк, снова делая ошибки в произношении.

Вице-губернатор записал название, но затем попросил его объяснения у капитана.

– Видите ли, на нашем судне двойной парус – по одному с каждой стороны, и они надуются наподобие крыльев птицы – отсюда и название.

– Но давно ли англичане стали строить люгера? До сих пор это были излюбленные французские суда.

– А, я понимаю, вы подозреваете во мне француза, или испанца, или я не знаю кого, но я могу вас успокоить: я англичанин и состою на службе английского короля.

– Ваш люгер принадлежит к королевскому флоту или плавает по поручению морского разбойника?

– Разве я похожу на морского разбойника? – обидчиво спросил капитан. – Вы оскорбляете меня вашим предположением.

– Простите, синьор, нам поневоле приходится быть очень осторожными на нашем уединенном острове в это смутное время. По поводу некоторых подробностей в оснастке вашего судна у нас явились некоторые сомнения, и мне прежде всего необходимо уяснить себе вашу национальность.

– О, сделайте одолжение. Я совершенно разделяю и ценю вашу осторожность и готов вам помочь – но как? Не угодно ли вам поехать со мной на мой люгер и лично осмотреть его? Мои бумаги все при мне, и я даю их в ваше полное распоряжение.

– Не беспокойтесь, капитан, мы все это устроим гораздо проще. Я книжный червяк и льщу себя уверенностью, что хотя и не бывал в Англии, но знаю ее довольно хорошо по книгам. Одного хорошего разговора с вами о ее администрации, правах и обычаях будет для меня совершенно достаточно, чтобы рассеять все сомнения.

– Я к вашим услугам, синьор. Я люблю свою родину и горжусь ею.

– Это делает вам честь. Ну, скажите же мне, какого рода правление в Англии? Монархическое, аристократическое или демократическое?

– Однако, синьор, такой вопрос смутил бы любого философа! В Англии король, но есть также очень могущественные лорды, да и демократия таки дает себя знать время от времени.

– Это вполне допустимое определение, сосед Вито Вити, – обратился вице-губернатор к подесте, желая перед ним похвастаться и своими знаниями, и своим тонким обращением с иностранцами, – английская конституция, действительно, машина очень сложная. Ваш ответ мне нравится, капитан, он показывает вашу привычку вдумываться во все вопросы жизни, и я ценю разумного человека. Ну а что вы мне скажете относительно религии вашей родины?

– О, на этот вопрос еще труднее ответить, так как в Англии столько же вероисповеданий, сколько населения. Признаюсь, этот религиозный вопрос меня всегда сильно тревожит.

– Надо, однако, признаться, что этот вопрос очень редко тревожит моряков. Ну, хорошо, не будем на этом останавливаться, скажите только, ведь вы и ваши сограждане лютеране?

– Допустите какое вам угодно предположение, – возразил капитан, иронически улыбаясь, – во всяком случае, наши предки были превосходными католиками. Но моряки и церковь – лучшие друзья, так как они совершенно не зависят один от другого.

– Почти то же и у нас, мой дорогой Вито Вити, хотя наши моряки жгут множество свечей и бесконечно повторяют молитвы.

– Простите, вице-губернатор, – горячо заметил капитан, – но я нахожу это большой ошибкой со стороны ваших моряков. Их дело шло бы несравненно успешнее, если бы они меньше молились и внимательнее относились к своим обязанностям.

– Это возмутительно! – воскликнул подеста с таким жаром, какой он не часто обнаруживал.

– Синьор капитан прав, почтенный Вито Вити, – остановил его вице-губернатор с таким внушительным видом, что как бы защищал им все свои либеральные идеи просвещенного человека. – Было бы полезнее для дела, если бы наши моряки сначала работали, а потом молились, а не наоборот, как это они делают теперь. Ну а теперь относительно вашего языка, капитан, который я мало знаю и которым вы, конечно, владеете в совершенстве.

– Без сомнения, – отвечал капитан, сразу переходя с итальянского языка, на котором говорил до сих пор, на английский с такой уверенностью, что уничтожал все подозрения, – мудрено не владеть родным языком.

Говорил он свободно и легко, но с несколько иностранным акцентом, неуловимым для непосвященного слуха Баррофальди, который понял только одно, что ему бы ни за что не сказать такой фразы, а потому он опять перешел на итальянский язык.

– Ваш родной язык, без сомнения, благороден, синьор, – да и может ли он быть другим, когда на нем писали Шекспир и Мильтон? Но что в нем затрудняет иностранца, так это множество одинаково произносимых различных слов, разнящихся по правописанию.

– Мне уже не раз приходилось выслушивать подобные жалобы, – отвечал капитан, довольный прекращением допроса и ничего не имевший против того, чтобы потолковать о неудобствах языка, до которого ему, в сущности, не было никакого дела.

Но тут подеста, которому надоело слушать, не принимая участия в разговоре, заметил, что лучше было бы не уклоняться от прямой цели допроса и покончить с выяснением некоторых подозрительных деталей устройства люгера. Вице-губернатор и сам был не прочь с честью закончить испытание, а потому согласился с замечанием подесты.

– Сосед Вито Вити прав, – сказал он, – будем держаться одного вашего люгера. Есть у нас здесь некто Томазо Тонти, очень знающий моряк; он утверждает, что люгера встречаются преимущественно у французов, а что английские суда иного устройства.

– В данном случае ваш Томазо Тонти не обнаруживает больших знаний, так как люгера строят и в Англии. К тому же я уже говорил ему, что я с острова Гернсей, больше чем наполовину населенного французами, где сохранились французские обычаи и нравы, хотя уже несколько столетий этот остров принадлежит Англии.

– О, это совершенно меняет дело! Сосед Вити, все, что сообщает нам капитан относительно Гернсея, совершенно верно. Теперь остается только удостовериться в именах, и тогда все будет в порядке. Джек Смит и Wing and Wing, действительно, гернсейские имена?

– Не вполне, синьор, – отвечал капитан, едва удерживаясь от смеха, – так как Джек и Смит чисто английские имена, они там встречаются на каждом шагу, и мы уже из Англии занесли эти имена на Гернсей. Что до названия Wing and Wing, то это также чисто английское название.

– Все это я нахожу вполне разумным, Вити, и так как бумаги капитана при нем, то, просмотрев их, мы можем спокойно уснуть до утра.

– Вот вам ваше усыпительное, вице-губернатор, – сказал капитан, вынимая свои бумаги. – Вот приказ адмирала – он не заключает в себе ничего секретного, и вы можете его прочесть; вот мои полномочия – под ними вы увидите подпись военного министра Англии и мою. Видите? Джек Смит. А вот и мое назначение лейтенантом корабля «Крыло-и-Крыло».

Все бумаги были написаны четко и прекрасным английским языком. Единственным сомнительным пунктом являлось различие в правописании имени: тогда как во всех бумагах упоминался Jack Smith, на подписи значилось Jacques Smit; но это являлось следствием непреодолимого упрямства моряка, не уступавшего никаким доводам того искусника, который

подделал ему все эти бумаги. Однако эта подробность совершенно ускользнула от внимания вице-губернатора. Таким образом, вся тревога, поднятая Томазо Тонти, оказалась напрасной, и просмотренные бумаги передали капитану, который совершенно спокойно спрятал их к себе в карман.

– Конечно, было бы неслыханной смелостью со стороны врага или корсара зайти в наш порт, зная нашу бдительность и осторожность, – заметил вице-губернатор самодовольно.

– Тем более, синьор, что подобный смельчак мог не ожидать себе иной награды, кроме потасовки и ареста, – прибавил капитан со своей обворожительной улыбкой, настолько расположившей к нему вице-губернатора, что тот пригласил его с собой отужинать. Приглашение было принято, и несколько минут спустя все трое сидели за столом в соседней комнате.

Начиная с этого момента всякие подозрения, если они и оставались еще у старших чиновников Порто-Феррайо, совершенно рассеялись. Легкая итальянская кухня и еще более легкие вина только содействовали веселому настроению. Но приезжий ел и пил очень умеренно, видимо желая поскорее освободиться, несмотря на всю любезность хозяина.

Андреа Баррофальди не преминул воспользоваться случаем, чтобы блеснуть своей начитанностью перед подестой. Он много говорил об истории, религии, правительстве, законах, климате и промышленности Англии, обращаясь к капитану за подтверждением или отрицанием высказываемых им взглядов, и по странной случайности их мнения всякий раз поразительно сходились. Капитан умел даже польстить ему, выражая свое удивление перед такой начитанностью. Польщенный Баррофальди шепнул даже подесте на ухо, что новоприбывший, может быть, не кто иной, как тайный агент британского правительства, подсланный с целью навести некоторые справки о торговле и мореплавании в Италии, чтобы, в случае возможности, расширить коммерческие отношения этих двух государств, – настолько выдается этот молодой человек своими способностями и рассудительностью.

– Вы почитатель аристократии, – заметил Баррофальди во время разговора на эту тему, – и, если говорить откровенно, может быть, вы сами благородного происхождения?

– Я! Я ненавижу аристократов! – с необычайной горячностью произнес капитан, видимо забывшись и в следующую же минуту сожалея о своей несдержанности.

– Это удивительно со стороны англичанина. А, я понимаю, вы в оппозиции и потому так говорите. Странное явление, друг Вити, но тем не менее верно, что в Англии вечно существуют две враждующие между собой партии. И каждая из них считает себя правой, и каждая стремится к власти.

– Вы совершенно верно определяете наши политические партии, синьор, но теперь позвольте мне удалиться: уже ночь, а я далеко не спокоен относительно соблюдения надлежащей дисциплины на вверенном мне судне в мое отсутствие.

Так как вице-губернатор к этому времени успел уже сообщить все, что знал относительно Англии, то он более не задерживал гостя, и тот ушел, предоставив друзьям перетолковывать как им вздумается все сообщенные им сведения.

Глава III

*Здесь Джонатан, этот счастливый гуляка, который знает все
это с азов, сударь, и который не забывает того, чему может научиться.
I, 763-й стих «Янки Дудль»*

Капитан был очень доволен, когда наконец оставил дом вице-губернатора – дворец, как называли его простодушные островитяне; его утомили ученые разглагольствования Баррофальди, и хотя он немало знал морских анекдотов, немало посетил английских гаваней и мог сравнительно успешно выпутаться при подобных обстоятельствах, но еще впервые пришлось ему поддерживать такой длинный разговор о предполагаемой его родине. Если бы почтенный Андреа услышал все посылаемые ему капитаном проклятия, к нему бы не преминули возвратиться все его первоначальные сомнения.

Была ночь, но ночь звездная, тихая, полная сладкой неги; такие ночи бывают только на побережьях Средиземного моря. Едва ощущался легкий ветерок, казавшийся скорее нежным дыханием моря, и несколько незанятых людей затащили свою вечернюю прогулку на гору. Когда моряк подошел к этому месту прогулок, он на минуту приостановился, как бы затрудняясь, куда идти. Женщина, фигура, тщательно закутанная в широкий плащ, прошла мимо него и, окинув его внимательным взглядом, продолжала подниматься на гору. Неожданность ее появления и мимолетность помешали молодому человеку, в свою очередь, рассмотреть ее; но, видя, что она направляется к местам, менее посещаемым, он последовал за нею. Вот она остановилась, и он не замедлил подойти к ней.

– Джита! – радостно воскликнул он, узнавая знакомое лицо, которое она больше не прятала. – Какая удача! Эта встреча снимает с меня большую заботу. Тысячу благодарностей за вашу доброту, дорогая Джита! Разыскивая вашу квартиру, я рисковал скомпрометировать и вас и себя.

– Вот поэтому-то я и решила встретиться с вами, Рауль, хотя это, может быть, и не особенно прилично для девушки. Глаза всех в этом маленьком болтливом городке следят теперь за вашим люгером и, конечно, следили бы за вами, его капитаном, если бы подозревали, где вы. Вы ведь не знаете, за кого принимают вас и ваше судно.

– Ничего постыдного, надеюсь, дорогая Джита?

– Говорят, что вы француз и ваше будто бы английское судно – одна уловка.

– Только-то? – засмеялся Рауль Ивар. – Что же! Надо снести этот позор. Честное слово, они правы в своем обвинении; среди нас всего один американец, нужный для нас при ведении переговоров. За что же мне обижаться, если жители Порто-Феррайо приняли нас как раз за тех, что мы и есть на самом деле?!

– Я и не говорю, что вы должны себя чувствовать оскорбленным, но вам может грозить опасность. Если только вице-губернатор догадается, кто вы, то он велит в вас стрелять, как в неприятеля, и вы погибнете.

– Нет, нет, Джита, он слишком пленен капитаном Смитом, чтобы допустить подобную жестокость. К тому же ему придется совершенно переместить всю свою артиллерию, чтобы выстрелы с нее могли достигнуть «Блуждающего Огня» там, где он теперь стоит. Я никогда не ставлю свое маленькое судно под выстрелы неприятельской артиллерии. Посмотрите, Джита, мы стоим вне всякой опасности.

– Я знаю, где вы стоите, я следила за вашим люгером, потому что узнала вас или воображала, что узнала; скажу даже, что довольна была вашим появлением, даже больше, обрадовалась при виде такого старого друга, так как подумала, что и он меня, должно быть, не забыл

и неспроста подходит к острову, где он знает, кого встретит. Но, когда вы вошли в бухту, я думала, что вы потеряли рассудок.

– И я бы его действительно потерял, если бы еще отложил свидание с вами. Чего мне бояться этих ничтожных островитян? Что мне стоит поджечь все их суда? «Блуждающий Огонь» недаром заслужил свое название – он всюду успеет перебывать, прежде чем опомнится наш неповоротливый неприятель.

– Однако этот неприятель уже подозревает вас, и вы должны быть постоянно настороже. Что я испытала сегодня, когда в вас стреляли!

– И что они мне сделали? Только даром потратили заряды. Они даже не изменили направления нашего люгера. Вы слишком бывалый человек, Джита, чтобы смущаться пустым шумом!

– Именно потому, что я кое-что понимаю в этих вещах, я так и испугалась. Ведь вы бы погибли, если бы эти ядра попали в люгер!

– Но вот этого-то непременно условия нашего несчастья и не было, они не попали. Ну, не будем больше говорить об этом, Джита, будем наслаждаться настоящим счастьем, мы так давно не были вместе.

– Вот потому-то, что это и для меня величайшее счастье, я и не могу не тревожиться, Рауль. Ну, что с вами будет, если вице-губернатору придет фантазия захватить ваш люгер, послав на него отряд солдат?

– Посмей он! Я подошлю к нему моих матросиков, и он славно прогуляется. Да нет, ему ничего не придет в голову, не стоит и говорить об этом.

Весь этот разговор происходил на французском языке, которым Джита вполне владела, хотя в ее произношении слышался несколько итальянский акцент.

– Но вот идея! – воскликнул капитан. – Завтра я подошлю ему моего первого помощника, мою правую руку, моего друга Итуэля Больта, пусть побеседует с ним о политике и о религии.

– О религии! – печально повторила Джита. – Чем вы меньше будете затрагивать этот священный предмет, тем мне будет приятнее и тем лучше будет для вас. Положение вашей родины в настоящее время до некоторой степени извиняет отсутствие в вас религиозного чувства; но тем не менее это большое несчастье.

– Ну, хорошо! – снова заговорил моряк, чувствуя, что коснулся опасного пункта. – Поговорим о другом. Допустим, что нас захватят, – чего можем мы опасаться в худшем случае? Мы честные корсары, имеем законные полномочия, находимся под покровительством французской республики и можем очутиться лишь в положении военнопленных. Это со мной уже было и привело лишь к тому, что я принял имя Смита и насмеялся над вице-губернатором острова Эльбы.

Джита невольно улыбнулась, несмотря на всю испытываемую ею тревогу, так умел Рауль расположить в пользу своих взглядов своей неподдельной веселостью и легкомыслием даже людей совершенно иного склада ума. Она знала, что Рауль был два года пленником в Англии, благодаря чему и изучил до некоторой степени язык и порядки этого государства. Он бежал из тюрьмы при содействии моряка-американца, Итуэля Больта. Этот последний вполне проныкся всеми мстительными планами своего более предприимчивого друга. Вынужденный служить на одном из английских военных судов вследствие насильственного набора в матросы, он горел жаждой мщения и своим примером мог подтвердить, насколько опасен может быть, по видимому, слабейший из смертных, доведенный до отчаяния несправедливостью сильнейших, которым неизбежно приходится впоследствии расплачиваться за свой деспотизм с жертвой, до сих пор считавшейся слишком ничтожной и неопасной.

Джита была посвящена во все их дела и хотя не симпатизировала Итуэлю Больту и не любила американца за его характер, но не раз смеялась, слушая о тех хитростях, которые он постоянно изобретал, чтобы нанести вред англичанам.

– Вы переименовали ваш люгер, Рауль? – спросила Джита после некоторого молчания. – Было бы опасно сказать его настоящее название, так как еще очень недавно я слышала рассказы одного моряка о грабежах, совершенных вашим люгером, и высказанные им причины, по которым, как он полагал, каждый честный итальянец должен его презирать. Счастье, что этот моряк в настоящее время уехал, а то он бы мог узнать судно.

– В этом я далеко не так уверен, Джита. Мы часто меняем цвета и до некоторой степени оснастку люгера. А что до названия, то раз он теперь считается находящимся на английской службе, то мы дали ему кличку «Крыло-и-Крыло».

– Мне слышалось несколько иное, когда вы отвечали на карантинный допрос. Но это странное название, «Блуждающий Огонь» мне несравненно больше нравится, – задумчиво проговорила Джита.

– Дорогая Джита, я бы хотел, чтобы вы имя Ивара предпочитали всякому другому, – заметил молодой человек с нежностью и упреком. – Вы обвиняете меня в недостаточном уважении к церкви и духовенству, но если бы вы знали, с каким благоговейным почтением опустился бы я на колени перед любым монахом вместе с вами, чтобы получить от него брачное благословение, о котором я мечтаю так давно и на которое до сих пор еще не получил вашего согласия. Только чтобы это было в Италии!

– Мне думается, что если бы я его вам дала, то вашему люгеру пришлось бы снова переменить имя и назвать его «Безумием Джиты», – принужденно засмеялась девушка, с трудом подавляя охватившую ее тоску. – Но довольно об этом, Рауль, нас могут выследить, подслушать, пора расстаться.

И после короткого обмена еще немногими заключительными фразами, слишком значительными и дорогими для обоих, они простились, и Джита поспешила домой, уверив капитана, что хорошо знает город и не чувствует ни малейшего страха, пробираясь по улицам в такое позднее время. И действительно, к чести Андреа Баррофальди, надо заметить, что в городе было совершенно покойно и только теперь, с появлением Рауля, этому миру могла грозить опасность.

Однако в Порто-Феррайо вовсе не было так спокойно. Томазо Тонти с группой своих приверженцев, слушавших, как можно было предположить по внешней тишине на улицах, его как оракула, имел обыкновение заканчивать день в кабачке прекрасной вдовушки, Бенедетты Галопо, на дверях которой на палке торчал часто возобновляемый свежий пучок зелени, служивший вывеской. Отчаянная кокетка, о которой, впрочем, остерегались говорить что-нибудь дурное, Бенедетта дорожила посещениями Томазо по двум причинам: во-первых, его всегда сопровождала интересная и привлекательная молодежь, а во-вторых, он пил много и был очень акkuratным плательщиком.

В то время, когда Рауль Ивар и Джита расстались на горе, Томазо Тонти с тремя приятелями сидел на своем обычном месте за столом в небольшой комнате первого этажа, где помещался кабачок интересной вдовушки, а в окно мог свободно наблюдать за всеми действиями приехавшего иностранного люгера. Приятели сидели не более четверти часа, а уже поставленная перед ними порция вина значительно уменьшилась.

– Я все это передал подесте, – говорил Томазо с важностью, осушая стакан вина. – Да, и я не сомневаюсь, что Вито Вити сообщил об этом вице-губернатору, так что и он в настоящее время знает не менее нас. И подумать только, что такие дела творятся в Порто-Феррайо, в столице острова Эльбы, где такой бдительный надзор!.. Подеста обещал мне зайти сюда после свидания с вице-губернатором, чтобы сообщить результат их разговора.

– Синьор подеста всегда будет здесь желанным гостем, – заметила Бенедетта, принимаясь стирать пыль с соседних столов. – Он едва ли где найдет лучшее вино.

– Бедняжка, – промолвил Тонти сострадательно, – и ты думаешь, что подеста придет сюда для того, чтобы пить твоё вино? Он придет ради меня. Слишком часто угощается он превосходным вином вице-губернатора, чтобы его потянуло к твоему.

Бенедетта уже готова была горячо вступить за своё, отстаивая свои интересы, но в эту минуту за дверью раздались тяжелые шаги, и в комнату, к общему удивлению, вошел Вито Вити в сопровождении вице-губернатора. Бенедетта остановилась неподвижно в немом почтении.

Посещение вице-губернатора было вызвано вновь зародившимися в нем сомнениями относительно личности и намерений Смита. Дело в том, что после ухода мнимого англичанина Вито Вити указал Баррофальди на некоторые подозрительные подробности, подмеченные им за ужином в разговоре капитана, и Андреа пожелал лично высмотреть лагерь, а так как подеста обещал Мазо зайти сюда повидаться с ним, то они и пришли оба.

– Синьор, ваше посещение доставляет мне такое счастье! – заговорила Бенедетта, приходя наконец в себя. – Не часто выпадает мне на долю такое счастье, ваше сиятельство. Мы бедные люди, хотя, может быть, такие же хорошие католики, как и те, что живут на горе.

– Так, так, Бенедетта, я не сомневаюсь, что вы хорошая христианка. Дайте-ка мне бутылочку вина!

Бенедетта присела с чувством благодарности – теперь репутация её вина навеки обеспечена: уж если его пил сам его сиятельство, то кто же из моряков посмеет его бранить?

Она проворно вытерла два стула и через минуту подала бутылку действительно лучшего тосканского вина, которого у нее хранилось с дюжину для экстренных случаев.

– Пожалуйста, ваше сиятельство – наше скромное заведение едва один раз в столетие удостоивается такого высокого посещения. Да и вы, синьор подеста, всего второй раз у меня.

– Нам, холостякам, небезопасно посещать таких, как вы, молодых и горячих вдовушек, красота которых с годами только расцветает, а не увядает.

Ответ получился самый кокетливый. Между тем Андреа Баррофальди, спокойно наливая вино, приглядывался к находившимся в комнате скромным и молчаливым морякам; кроме Тонти и Даниэля Бруно, он никого не знал, а потому шепотом спросил у Томазо, может ли он поручиться за благонадежность своих товарищей.

– За всех, с первого до последнего, синьор, – отвечал Томазо.

Тогда Баррофальди обратился к присутствующим.

– Вам, без сомнения, известна причина, побудившая нас прийти сюда? – спросил он.

Ответ получился не сразу. Наконец Даниэль Бруно ответил за всех:

– Мы догадываемся, ваше сиятельство. Мазо нам говорил, что этот люгер не английский, как нас хотят уверить, а французский.

Вдруг за дверью послышались шаги, и, прежде чем Бенедетта, остерегавшаяся, по желанию вице-губернатора, неизвестной и, может быть, неудобной встречи, успела задержать нежданного гостя, дверь отворилась, и в комнату вошел не кто другой, как Итуэль Болът в сопровождении одного генуэзца.

Скажем несколько слов об этом новом лице. Итуэль Болът был, как говорится, каменным человеком. В нем совершенно отсутствовали все признаки общечеловеческой естественной чувствительности. Очертания его лица и фигуры были правильны, но слишком резки и угловаты. Он точно весь состоял из одних костей; нервы замечались гораздо позднее; а мускулы, которых на его долю было отпущено немало, не округляли тела, а, напротив, придавали ему угловатость. Даже пальцы его казались не круглыми, а призматическими, а на открытой шее с небрежно повязанным черным шелковым платком, не служившим к ее украшению и грации, выделились все позвонки. Роста он был высокого, но его несколько скрадывала сутуловатость плеч. Черные волосы обрамляли белое по природе, но подернутое сильными и неоднократно наслоениями загара лицо, подвергавшееся много лет действию самой разнообразной погоды и сильных ветров. Лоб у него был широкий, открытый и рот замечательно красивый.

Эту оригинальную физиономию как бы освещали проницательные и подвижные глаза, казавшиеся не пятнами на солнце, а солнцами на пятне.

Итуэль прошел все превратности жизни американца, вынужденного своими силами пробивать себе дорогу. Он был мальчиком у одного фермера, работником в типографии, младшим школьным учителем, кондуктором дилижансов и разносчиком; наконец, ему случалось даже не пренебрегать и более грубыми работами, например, мести улицы, изготавливать метлы. До тридцатилетнего возраста Итуэль не думал о море. Случай доставил ему место на каботажном судне, на котором он и совершил свое первое путешествие. Ему посчастливилось в том отношении, что капитан не сразу открыл его полнейшую неподготовленность к занимаемой им должности, благодаря его самоуверенности, и ошибка обнаружилась лишь спустя несколько дней, когда судно было уже в плавании. Но и тут судьба сыграла на руку Больту: по несчастной неосторожности капитан упал в море, и Итуэль, естественно, занял его место. Другой бы в его положении поспешил вернуться в гавань, но не в его правилах было отступать, да к тому же идти назад было так же трудно, как и вперед, и он избрал последнее. Матросы не могли им достаточно нахвалиться, а он действовал очень осмотрительно и отдавал только те приказания, какие они подсказывали ему. Погода ему благоприятствовала, ветер дул попутный, и ничто не препятствовало благополучному плаванию. Он приобрел друзей, и судовладельца каботажных судов вверил ему судно. Он поручил тогда своему лейтенанту судно, а сам, не показывая вида, что присматривается, через полгода уже научился этому новому для себя делу лучше, чем другой научился бы за три года.

Итуэль в конце концов потерпел крупное крушение вследствие своего невежества в мореходном деле. Этот несчастный случай навлек на него более отдаленное путешествие в положении подчиненного: он был забран в матросы одного английского судна, по уставу для набирания рекрутов, когда капитан лишился значительной части своего экипажа, погибшего от желтой лихорадки. Итуэль не был таким человеком, которым можно было бы пренебречь в таком случае, и капитан притворился, что принял его за англичанина.

Глава IV

Судно, стоящее здесь на якоре, из Вероны. Михаил Кассио, лейтенант воинственного мавра Отелло, сошел на землю.

Шекспир. Отелло

Итуэлю достаточно было одного беглого взгляда, чтобы разобраться в общественном положении всех присутствующих. Он понял, что двое из них занимают место значительно высшее сравнительно с четырьмя остальными и что эти последние – простые матросы. Относительно Бенедетты, как хозяйки дома, не могло быть никаких сомнений.

– Вина, – приказал Итуэль, жестом поясняя свое желание, так как это было почти единственное известное ему итальянское слово.

– Сию минуту, синьор, – отвечала Бенедетта, кокетливо улыбаясь, – сию минуту вам подадут, – но какого вина желаете вы? У нас вино различной стоимости.

Итуэль предоставил своему спутнику, генуэзцу Филиппо, объясняться с хозяйкой, а сам занял место у одного из свободных столов и, сдвинув в сторону находящиеся на нем стаканы, не замедлил непринужденно развалиться на стуле, подняв ноги на край сиденья и опираясь руками на соседние стулья.

Баррофальди с удивлением посматривал на него. Конечно, он не мог ожидать встретить порядочное общество в кабачке Бенедетты, но манеры этого иностранца превзошли его ожидания. Однако он ничем не выдал своего впечатления.

Между тем гостям подали то же вино, что и Баррофальди с подестой, и Итуэль, приложившись губами к бутылке, почти разом опустошил ее, к немалому огорчению Филиппо.

– И это называется вином! – воскликнул Итуэль, отрываясь от горлышка бутылки, чтобы передохнуть. – Я мог бы выпить его целую бочку и, не пошатнувшись, пройти по узкой дощечке.

Он говорил это с самым довольным видом, доказывавшим, что только что выпитое вино доставило ему громадное наслаждение.

Все это время вице-губернатор старался уяснить себе характер этого незнакомца и припоминал особенности его родины. Весьма естественно, что он принял Больта за англичанина, и его недоверие к приехавшему люгеру на время снова стусевалось. Подобно большинству итальянцев своего времени, он считал чем-то вроде дикарей этих жителей севера, и уж конечно не Итуэлю с его грубыми манерами было изменять такое мнение.

– Вы генуэзец? – спросил вице-губернатор Филиппо авторитетным тоном.

– Как же, синьор, к вашим услугам, хотя я и нахожусь в настоящее время на чужеземной службе.

– На чьей именно, мой друг? Говорите! Я блюститель порядка на этом острове и по своей должности обязан задать вам этот вопрос.

– Это сейчас видно, ваше сиятельство, – отвечал Филиппо, вставая и почтительно ему кланяясь. – Я нахожусь на службе у английского короля.

Он твердо произнес свой ответ, но невольно опустил глаза под пронизательным взглядом вице-губернатора.

– А ваш товарищ не говорит по-итальянски – он англичанин?

– Нет, синьор, он американец и Англию совсем не любит, насколько я его понимаю.

– Американец! – воскликнул Баррофальди.

– Американец! – повторил за ним Вито Вити.

– Американец! – хором откликнулись все четверо матросов – и все взоры обратились на любопытного иностранца, выдержавшего этот осмотр с невозмутимым спокойствием.

В том любопытстве, с которым моряки и начальство города смотрели на американца, не было ничего удивительного, так как еще в 1799 году итальянцы не имели верного представления об американцах и смешивали их с неграми; словом, двух с половиной веков существования нации и более столетия независимости было недостаточно для того, чтобы поведать жителям Старого Света, что великая современная республика населена народом европейского происхождения и с белой кожей.

– Да, я американец, – сказал, в свою очередь, Итуэль с важностью, слыша, как повторяется это слово, – и я не стыжусь своей родины. Если желаете знать подробнее, то я скажу вам, что родом из Нью-Гемпшира, Гранитного штата, как у нас его называют. Объясните им это все, Филиппо, и скажите мне, что они об этом думают.

Филиппо перевел его речь, как мог, а также и полученный на нее ответ. Скажем заранее, что весь последующий разговор велся, таким образом, при содействии Филиппо как переводчика; но мы не будем выписывать повторений и передадим только сам разговор.

– Гранитный штат! – повторил вице-губернатор недоверчиво. – Бедные жители, как им трудно, должно быть, промышлять себе пищу. Спросите у него, Филиппо, есть ли там вино?

– Вино! – ответил Итуэль. – Скажи этому господину, что у нас там не назовут вином того, что мы здесь пьем. То, что у нас там пьют, как пилой режет горло и точно лавой с Везувия обжигает внутренности.

– Не познакомит ли нас синьор американец с религией своей страны, если только они там не язычники? Я не помню, Вито, чтобы я когда-нибудь читал о религии в этой части света.

– Религия! О, подобный вопрос вызвал бы немалый шум из Нью-Гемпшире. Слушайте, синьор: все эти ваши обряды, образа, одежду церковнослужителей, ваш колокольный звон и коленопреклонения – всего этого мы не называем религией, так же как не считаем вином вот этот напиток.

Голова Итуэля уже в значительной степени была отуманена этим самым напитком, о котором он так пренебрежительно отзывался, иначе он не позволил бы себе так громко высказывать свои убеждения, так как из многократного опыта знал, насколько надо сдерживаться по этим вопросам в стране католической. Баррофальди отвечал ему со строгостью убежденного католика, хотя и не изменяя правилам вежливости:

– Очевидно, американец не понял того, что он называет нашими обрядами и образами: такая малоцивилизованная страна, как его родина, нелегко может постигнуть глубокие таинства нашей древней религии.

– Малоцивилизованная! Я полагаю, что надо основательно вспахать эту часть света, чтобы взрастить на ней цивилизацию, равную той, какой пользуются у нас малые дети. Но бесполезно говорить об этом, а потому лучше выпьем!

Андреа и сам увидел, что бесполезно толковать о религии, тем более что Филиппо сильно затруднялся переводом, а потому он прямо приступил к тем вопросам, которые привели его в кабачок.

– Должно быть, и американец также на службе у английского короля, – небрежно заметил он. – Помнится мне, что была война между американцами и англичанами, причем французы помогли американцам одержать верх над англичанами и достигнуть национальной независимости. В чем состоит эта независимость, я хорошенько не знаю, но возможно, что населению Нового Света есть еще чему поучиться у своих прежних хозяев, чтобы поднять своих моряков.

Все мускулы лица Итуэля страшно напряглись, и выражение глубокой горечи омрачило его лицо; затем губы скривились в злую насмешку, и он сказал:

– Может быть, вы правы, сударь. Англичане действительно как будто с полным правом вербуют себе наших соотечественников; возможно, что мы служим нашим прежним господам и что вся наша независимость – один пустой звук. Но как бы там ни было, а есть между нами молодцы, которые тем или другим способом сумеют воспользоваться первой возможностью

отомстить за себя, и не видать мне никогда Нью-Гемпшира, будь он из камня или из гнилого дерева, если я не сыграю какой-нибудь очень скверной шутки с мистером Джоном Булем.

Эта речь, хотя и переданная в неточном переводе Филиппо, произвела тем не менее довольно сильное впечатление на вице-губернатора; ему показалось крайне любопытным такое враждебное отношение американца к той нации, у которой он состоит на службе.

– Спросите американца, почему он остается на службе у английского короля, если это положение так сильно его возмущает, и как он на нее попал?

– Меня завербовали при наборе матросов, и семь лет продержали как собаку, заставляя служить на себя. Но это еще не все, и я не думаю, что имею право рассказать остальное.

– Нам интересно будет послушать все, что американец найдет возможным сообщить нам.

Итуэль, все более поддававшийся влиянию вина, не знал, на что ему решиться. Подумав, он подкрепил себя новым глотком и заговорил:

– Ну, худшее это то, что к несправедливости присоединилось оскорбление. Казалось бы, довольно за глаза одной несправедливости к человеку, так нет, надо еще его оскорбить, да так, что самое каменное сердце воспламенится!

И, разгоряченный выпитым вином, Итуэль разразился длиннейшей тирадой, в которую включил свои воспоминания, свои обиды, которых действительно было немало, и вылил всю накипевшую в нем ненависть к англичанам. Он говорил захлебываясь, чуть не с пеной у рта, скороговоркой, и Филиппо совершенно не в состоянии был передать его слова. Баррофальди сначала внимательно прислушивался, надеясь хоть что-нибудь уловить; но он ничего не мог понять, к счастью для Итуэля, который, забываясь, выдавал себя с головой. Наконец весь этот дикий шум надоел вице-губернатору, и он решил положить ему конец.

– То, что вы говорите, может быть, и справедливо, – заметил он, воспользовавшись минутным перерывом в речи задыхавшегося американца, – но неприлично в устах служащего той нации, которую он так третирует; и не идет также служителю великого герцога Тосканского, союзника англичан, слушать такие речи. Перейдем к другому. Итак, люгер, на котором вы служите, английский?

– Как же, – отвечал Итуэль с язвительной усмешкой, – это очень хорошенькое судно. Это «гернсейский люгер», и надо видеть, как он улепetyвает, когда проснется и обуется!

– Только моряки могут так выражаться! – засмеялся вице-губернатор. – Они так носятся со своими судами, что почти олицетворяют их. Подумать только – люгер, обувающий сапоги!

Вито Вити, несмотря на свое итальянское происхождение и звучное имя, совершенно не обладал даром воображения. Он принимал все в буквальном смысле и интересовался одними делами, а потому прелесть выражения американца для него совершенно пропала.

Наступило сначала общее молчание, а затем негромкий разговор между вице-губернатором и подестой и отдельно в группе четверых матросов. Итуэль тем временем несколько успокоился и опомнился. В высшей степени находчивый, изобретательный и хитрый человек, когда он бывал настороже, теперь, под влиянием своей беспредельной ненависти к англичанам, он чуть не выдал тайны, которую обязан был усердно хранить.

В это время глаза всех обратились на вице-губернатора, ожидая, что он заговорит. И действительно, осведомившись у Бенедетты относительно отдельной комнаты, где бы ему никто не помешал, он встал и, взглядом пригласив американца и Филиппо следовать за собой, вышел с ними и с подестой из комнаты.

Когда они очутились в отдельной комнате, Баррофальди, не теряя ни секунды времени, выложил на стол деньги.

– Вот язык, общий всем нациям, – сказал он. – Не будем даром терять времени, вы меня понимаете, конечно.

– Я вижу золото, – отвечал Итуэль, – и знаю, что его предлагают недаром. Чего же вы от меня хотите? Говорите яснее, я не люблю бродить в потемках, это против моих правил.

– Вы должны нам сказать правду. Мы подозреваем, что это французский люгер. Дайте нам доказательство, и вы найдете в нас друзей.

Андреа Баррофальди плохо знал американцев, предполагая, что ему удастся подкупить такого человека, как Итуэль. Завзятый плут и мошенник, Итуэль сохранил особую чуткость к поддержанию собственного достоинства и национальной чести и всякую подачку принимал за личное оскорбление и швырял, чтобы не унижить чести родной страны. Не будь его люгер в такой опасности, он бы не задумываясь бросил эти деньги в голову вице-губернатору; но он помнил, чем мог грозить такой поступок. Поэтому с полным самообладанием он отстранил золото и сказал:

– Нет-нет, синьор! Во-первых, мне нечего вам сообщить, а за ничто деньги брать зазорно; во-вторых, капитан имеет полномочия от короля Георга по всей форме, и люгер построен в Гернсее. У нас в Америке не берут денег, не имея чего дать в обмен; а ведь после этого остается одно – выйти на улицу с протянутой рукой. Если я могу каким-нибудь законным образом услужить, то это другое дело.

Говоря таким образом, Итуэль перебирал пальцами монеты, и Андреа понял его так, будто он только не хочет продать тайны, но тайна есть.

– Оставьте у себя эти деньги, – сказал он. – Мы, итальянцы, не берем назад того, что дали. Может, завтра вы вспомните что-нибудь, что найдете возможным сообщить нам.

– Я не нуждаюсь в подарках, да и не в обычае Гранитного штата получать их, – резко возразил Итуэль. – Ничего нет постыднее вымаливать себе подаяние!

После некоторого колебания Андреа Баррофальди спрятал свои деньги. Но его недоверие к американцу нисколько не уменьшилось.

– Скажите мне только одно, синьор Болт, – сказал он после некоторого раздумья, – почему вы остаетесь на службе у англичан, если вы их так ненавидите? Земля велика, вы могли найти себе занятие в другом месте.

– Вы меня не знаете, иначе бы вы не задали мне такого вопроса, синьор. Я служу английскому королю, потому что он мне за это хорошо платит. Если вы хотите забрать кого в руки, становитесь его кредитором, это вернейшее средство.

Все это вице-губернатор прекрасно понял и после нескольких вопросов, на которые не получил никакого удовлетворительного ответа, кончил тем, что вежливо простился, сказав Бенедетте, что не было никакой надобности уводить иностранцев в отдельную комнату.

Что касается Итуэля, то, решив после ухода должностных лиц, что, может быть, не совсем безопасно было бы для него продолжать пить, он расплатился с хозяйкой и вышел из кабака со своим товарищем. Час спустя он продал привезенные им контрабандой три бочонка табака одному из местных купцов, ради чего и сходил на берег. Этот личный его доход приобретался совершенно без ведома Рауля Ивара, капитана люгера, в характере которого рядом с вкусами и привычками, казалось бы, не совместимыми с какими-нибудь высокими качествами, уживались некоторые благородные свойства. Но не одним только нерасположением к мелкому торгашеству рознились характеры капитана маленького люгера и человека, которым он нередко прикрывался ради главных своих целей.

Глава V

Великий спор между небом и морем делил нас от наших товарищей. – Но, внимание! Паруса.
Шекспир. Отелло

Проходив еще с час с подестой по набережной, вице-губернатор наконец удалился к себе, и никому не известен был результат его долгих размышлений; только люгер остался стоять спокойно на своем месте, а Рауль Ивар и Джита если и имели второе свидание, то так сумели его скрыть, что мы об этом ничего не знаем.

Чудные бывают утра на побережье Средиземного моря! Ласкающая, ясная тишина предшествует солнечному восходу, нежная окраска неба, словно призывающая нас любить природу, сменяется яркими солнечными лучами. Вот такое-то чарующее утро сменило предшествующую ночь, события которой мы сейчас передали.

С восходом солнца началось движение на люгере, замелькали шляпы матросов, и две фигуры появились около борта, внимательно всматриваясь в еще спящий город. Это были Рауль Ивар и Итуэль Болът. Они говорили между собой по-французски, хотя последний из них совершенно игнорировал при этом все грамматические правила и даже самую правильность произношения.

– Едва ли стоит заняться этим австрийским судном, – говорил Рауль, – оно не принесет нам никаких выгод, и его гибель только разорит несколько бедных семейств.

– Вот новый взгляд для корсара, – насмешливо возразил Итуэль. – Посмотреть бы вам на революции у нас! Уж конечно свобода и равенство покупаются не дешевой ценой, жертвы неизбежны. О, будь это английское судно! Как бы я его славно поджег! Вы знаете, Рауль, когда я вынужден был идти против ваших и отказывался, ссылаясь на свои политические убеждения, не позволявшие мне сражаться против республиканцев, мой капитан приказал принести розги и заявил мне, что желает проверить совестливость и деликатность моей кожи, и если она окажется несогласной с его понятиями о моих обязанностях, то он распорядится об увеличении отпускаемого мне наказания. Ну и я должен вам признаться, что он одержал верх, и я бился как тигр, чтобы избежать вторичной порки! Да, это не шутка!

– Но теперь вы в иных условиях, мой бедный Итуэль; день мщения близок.

Затем воцарилось продолжительное и мрачное молчание. Рауль машинально следил глазами за матросами, занимавшимися мытьем палубы, а Итуэль погрузился в невеселые воспоминания обо всех понесенных им оскорблениях. Люди могут жестоко оскорблять друг друга, могут совершать тысячи несправедливых и бесчестных поступков, но, кажется, можно почти поручиться за то, что все эти деяния никогда не проходят безнаказанно; рано или поздно является справедливое возмездие, часто совершенно неуловимыми путями, – это то, что называют Провидением Божиим.

Наконец, тяжело вздохнув, Итуэль поднялся и, как бы желая скрыть свое лицо от Рауля, повернулся лицом к бухте. Но едва взглянул он по этому направлению, как сильно вздрогнул и невольно вскрикнул; в тот же миг Рауль был возле него и посмотрел в ту же сторону. Наступивший день дал им возможность различить предмет, представлявший для них немаловажное значение в их настоящем положении.

Когда с вечера, накануне, они выбирали наиболее безопасное место, чтобы стать люгеру, они, естественно, бросили якорь так, чтобы иметь перед собой свободный выход в море. Из-за тумана они приняли за островок, который действительно должен был находиться здесь неподалеку, что-то темное, смутно выделявшееся своими очертаниями. И вот теперь, к своему ужасу,

они ясно различили корабль на месте предполагаемого острова. На корабле был поднят флаг, но нельзя было разобрать его рисунок. Ивар, в свою очередь, вскрикнул:

– Хороши мы будем, если это английское судно! Что вы скажете, Итуэль? Различаете вы флаг? Ваши глаза лучше моих.

– Но я тем не менее не знаю глаз, которые видели бы на таком расстоянии. Я принесу трубу.

Через минуту он вернулся с двумя биноклями – для себя и для Ивара.

– Трехцветный флаг! – воскликнул Рауль.

– Посмотрите, Итуэль, какое это судно могло прислать сюда республика?

– Не то, Ивар, – отозвался Итуэль таким странным тоном, что Рауль к нему обернулся. – Не то, капитан. Нелегко птице забыть клетку, в которой она томила годами! Это проклятая «Прозерпина».

– «Прозерпина»! – повторил Рауль, хорошо знакомый со всеми приключениями товарища и не нуждавшийся в дальнейших пояснениях.

– Но, если вы не ошибаетесь, «Блуждающему Огню» следует потушить свой фонарь. Я различаю двадцать два отверстия с торчащими из них пушечными жерлами, – столько же, значит, и по другую сторону, и, следовательно, всего сорок четыре.

– Мне незачем подсчитывать число его пушек, я знаю, что это «Прозерпина», фрегат. Капитаном там Куф, да, я все знаю!.. Итак, это «Прозерпина». Да благословит ее небо! От души желаю ей провалиться на дно моря!.. Вполне достаточно одного залпа с нее, чтобы загасить «Блуждающий Огонек»!

– Я не сумасшедший, чтобы вступить в бой с фрегатом, Итуэль, но я слишком сжился с случайностями на море и привык не тревожиться до тех пор, пока опасность не станет очевидной.

– Выслушайте, Рауль, и рассудите сами, – с силой заговорил Итуэль, – ни один французский корабль не выкинет своего флага перед неприятельским городом, это значило бы обнаружить свои намерения. Но английское судно могло выкинуть французский флаг, потому что вполне в его власти выкинуть вслед за тем другой, а оно может кое-что выиграть этой хитростью. «Прозерпина» французской конструкции. Да мне ли ее не узнать, когда все ее особенности неизгладимо запечатлелись на моей спине, так что никакой губкой того не стереть?!

– Однако, Итуэль, если это английский фрегат, то ему может взбрести на ум зайти в эту гавань и стать возле нас, – проворчал Рауль.

– Что тут делать большому военному судну! Не все так любопытны, как «Блуждающий Огонь».

– И правда, чего бы ему делать в этой трущобе? Ну, видно, надо быть ко всему готовым. Но так как он любезно выкинул нам свой флаг, ответим и мы ему тем же. Эй, выкинуть флаг.

– Который, капитан? – спросил старик рулевой, на обязанности которого было выкидывать флаги и который никогда не смеялся и смотрел всегда исподлобья. – Капитан не забыл, что сюда мы вошли под флагом Джона Буля?

– Ну да, и теперь его же поднимите – приходится прибегнуть к наглости, раз мы надели на себя маску. Господин лейтенант, распорядитесь, чтобы все было в порядке и наши носовые платки заготовлены. Никто не может сказать, когда понадобится «Блуждающему Огню» утереть ими свое лицо, Итуэль! Вот он повернулся несколько больше на восток, мы можем его лучше рассмотреть.

Оба снова вооружились биноклями, и воцарилось общее молчание. Итуэль, обыкновенно такой болтливый, становился всегда серьезным и сосредоточенным в исключительных случаях. Раулю тоже было не до разговоров, а матросы подражали американцу, который пригрозил им серьезными последствиями в случае обнаружения их французского происхождения, и они старательно перенимали сдержанные, даже угрюмые манеры англичан, за которых себя выдавали,

и упорно молчали, наперекор своему живому характеру. Прошло добрых два часа. Несколько судов подходило близко к «Блуждающему Огню», но на все вопросы часовые хранили упорное молчание, прикидываясь не понимающими французского языка, на котором к ним обращались.

У Рауля было подобрано четверо матросов, разделявших с ним арест в Англии и так же, как и он, немного научившихся этому языку; с ними он высаживался на берег в случае, если желал скрыть свою национальность. Так и теперь спокойно и тихо сделаны были необходимые приготовления, и Рауль не торопясь спустился в шлюпку и направился к городской пристани, где самоуверенно поднялся по знакомой лестнице, оставив гребцов дожидаться своего возвращения. Предупрежденные о том, что за ними могут следить, молодцы с полным самообладанием прохаживались по набережной, заговаривая, насколько умели, по-итальянски с женщинами и продолжая прикидываться не понимающими французского языка, когда к ним обращались опытные моряки, недурно владевшие этим языком; многократный опыт сделал из них хороших актеров.

Итак, они продолжали изображать из себя карикатурных англичан в ожидании возвращения Рауля. Девушки подходили к ним, предлагая кто цветы, кто фрукты. Особенно назойлива в этом отношении была Аннунциата, которой Вито Вити поручил попытаться проникнуть в тайны иностранцев. Но ее старания не увенчались успехом, и, после резкого окрика одного из гребцов, она отошла.

Оставим, однако, наших матросов отбиваться, как сумеют, от любопытных жителей и последуем за молодым капитаном.

Руководимый чутьем или, может быть, имея в виду определенную цель, он быстрыми и легкими шагами направился к террасе и поднялся на высокий мыс. Глаза всех прохожих были подозрительно устремлены на него, следили за каждым его движением; с минуты появления фрегата под французским флагом все население было в тревоге и держалось настороже. Вито Вити уже успел побывать у вице-губернатора, созвавшего затем военный совет для совещания ввиду могущей грозить опасности. Батареи были снабжены оружием в достаточном количестве. Но зачем могла понадобиться французам осада такого ничтожного городка, как Порто-Феррайо?

Снова высокий мыс был занят толпою любопытных обоого пола, всех возрастов и положений. Между жителями преобладали, по обыкновению, любопытные женщины, у которых воображение берет верх над рассудком. На одной из террас, прямо против дворца вице-губернатора, как здесь называли занимаемый им дом, сидела городская знать, не сводившая глаз с встревожившего всех французского фрегата. Появление Рауля, о котором за минуту до того была речь как о человеке подозрительном, несколько смутило почтенных господ, и некоторые из них даже отвернулись, чтобы скрыть невольно выступившую на лице краску.

– Добрый день, синьор Баррофальди, – поклонился ему вежливо и развязно Рауль с присущим ему веселым, жизнерадостным видом, способным совершенно рассеять малейшее подозрение в его виновности или страхе. – Вы тут, на берегу, наслаждаетесь прекрасным утром, а там, на воде, появился, по-видимому, прекрасный фрегат французской республики.

– Мы как раз сейчас о нем говорили, синьор Смит, – отвечал Андреа. – Можете вы угадать мотивы появления около нашей мирной гавани этого фрегата такого угрожающего вида?

– Что вам на это сказать, синьор? Вы могли бы меня с тем же успехом спросить относительно многого, не менее поразительного, что проделывает французская республика. Зачем они обезглавили Людовика Шестнадцатого? К чему прошли половину Италии, завоевали Египет и оттеснили австрийцев к Дунаю?

– Уж не говоря о том, что они дали себя избить Нельсону, – ядовито заметил Вито Вити.

– Действительно, синьор, зачем они допустили моего храброго соотечественника Нельсона уничтожить их флот в устьях Нила? Я не желал хвалиться, а потому не задал сам этого

вопроса. У меня на судне несколько человек из тех, что были тогда с Нельсоном; между прочим, наш лейтенант, Итуэль Болът.

– Я видел синьора Болъта, – заметил сухо Баррофальди. – Он американец.

Невольная дрожь охватила Рауля, несмотря на его напускное и аффектированное равнодушие.

– Американец, да, – отвечал он, – но он уроженец английской Америки, и мы считаем его совсем англичанином. Вообще, к янки мы относимся как к своим соотечественникам и охотно берем их на нашу службу.

– Совершенно верно, это как раз совпадает с тем, что сообщил синьор Болът. Он, по видимому, очень любит англичан.

Раулю стало не по себе. Он не имел понятия о том, что произошло в кабачке, и ему послышался оттенок иронии в словах вице-губернатора.

– Без сомнения, синьор, – уверенно возразил он, – американцы не могут не любить англичан за все, что те для них сделали. Но я, собственно, пришел сюда предложить вам помощь нашего люгера, в случае если этот фрегат имеет действительно дурные намерения. Наше судно невелико, и наши пушки небольшого калибра, но тем не менее мы могли бы вам быть полезными.

– Какого же рода услугу могли бы вы нам оказать, капитан? – вежливо спросил Баррофальди. – Вы, как моряк, можете дать нам подходящий совет.

– Видите ли, синьор Баррофальди, мне кажется, что если бы ваша славная батарея встретила приближающегося неприятеля, то нам лучше всего будет зайти с противоположной стороны, чтобы таким образом поставить его между двух огней.

– Это было бы хорошо в том случае, если бы ваши силы были более одинаковы, а то как вы думаете рискнуть выступить против неприятеля, у которого орудий вдвое больше вашего? – заметил местный полковник. – Но что означает это проявление любви и восхищения?

Глаза всех обратились на неприятельское судно, которое, к общему удивлению, направилось к дому вице-губернатора и встало почти против него; в то же время убран был французский флаг и при пушечном выстреле, в знак приветствия, поднят был другой, а именно английский.

Общий восторженный крик был ответом, так как теперь разом уничтожались все страхи и сомнения. Никто в эту минуту не помнил о Рауле, которого не на шутку беспокоили различные соображения.

– Поздравляю вас с прибытием ваших соотечественников, синьор Смит, – обратился к нему Баррофальди, человек миролюбивый и в настоящую минуту очень довольный возможностью провести спокойный день. – Но я непременно сообщу куда следует о любезно предложенной вами помощи.

– О, этого совершенно не нужно, – отвечал Рауль, едва сдерживая невольно просившуюся на лицо улыбку. – Напротив, ваши молодцы-артиллеристы, вероятно, сожалеют, что лишены случая показать свое искусство. Но я вижу, что фрегат подает сигналы моему люгеру, надеюсь, что мой лейтенант сумеет ответить в мое отсутствие.

Но, может быть, его отсутствие было как нельзя более кстати, потому что фрегат действительно оказался «Прозерпиной», так хорошо знакомой Итуэлю Болъту, и уж конечно он был изобретательнее Рауля на наиболее пригодный и хитрый ответ на подаваемые сигналы. И он действительно на поданные сигналы отвечал тем, что проворно и без малейшего страха и колебания выкинул наудачу несколько флагов, но так, что они спутались между собой и не было никакой возможности разобрать их.

Глава VI

– Все ли готовы? – Все. – Даже большие все на судах. Последний челнок ждет только моего начальника. – Мою саблю и берет!

Байрон. Корсар

Невозможно было узнать, как отнеслись к хитрости Итуэля на фрегате; но так как, по-видимому, доброе согласие царило между обоими судами, то и у жителей Порто-Феррайо исчезла всякая тень недоверия к люгеру. Было так мало вероятности в предположении, что французский корсар отвечает на сигналы английского фрегата, что даже сам Вито Вити шепнул вице-губернатору, что, по крайней мере, это обстоятельство говорит в пользу искренности капитана люгера. Спокойный вид Рауля, не торопившегося к тому же уходить при приближении фрегата, также немало способствовал общему успокоению.

– На нашу долю выпала честь принимать двух представителей вашей национальности, синьор Смит, – обратился к нему Баррофальди. – Я надеюсь, что вы не откажетесь сопроводить ко мне вашего соотечественника, так как, по-видимому, фрегат намеревается бросить якорь в нашей гавани, и капитан обязательно нанесет мне визит. Но можете ли вы разобрать название этого фрегата?

– Если не ошибаюсь, это «Прозерпина», синьор, – беззаботно отвечал Рауль. – Он был построен во Франции, почему я и принял его за французский, когда они выкинули флаг этой нации.

– Вы, вероятно, также знаете и благородного капитана этого корабля?

– О, прекрасно. Это сын одного старого адмирала, под начальством которого я служил одно время, хотя ни разу не встречался с его сыном. Его зовут сэр Броун.

– Это настоящее английское имя, я встречал его много раз и у Шекспира и у Мильтона, если не ошибаюсь.

– Во многих литературных произведениях, синьор, – поддержал его Рауль без малейшего колебания, – Мильтон, Шекспир, Цицерон – все наши лучшие писатели пользуются этим именем.

– Цицерон? – повторил совершенно озадаченный Андреа. – Но это древний римлянин, и он умер задолго до появления цивилизации в Англии.

Рауль увидел, что хватил через край, однако не растерялся и обнаружил замечательную находчивость.

– Вы совершенно правы относительно вашего Цицерона, синьор, но дело в том, что я говорю о нашем Цицероне, моем соотечественнике, умершем меньше чем каких-нибудь сто лет тому назад. Он родом из Девоншира (место, где проживал Рауль все время своего ареста), а умер он в Дублине.

На это Андреа не нашел никакого возражения. Его только неприятно поразило такое присвоение англичанами знаменитого итальянского имени, но он объяснил это историческими условиями и поспешил включить в свою объемистую коллекцию заметок это новое сведение, собираясь при первой возможности навести более обстоятельные справки об этом неведомом ему до сих пор светиле. Затем он отправился к себе, еще раз выразив Раулю уверенность видеть его у себя вместе с сэром Броуном через какие-нибудь два часа.

Толпа понемногу разошлась, и Рауль остался один в далеко не веселом раздумье.

Городок Порто-Феррайо так основательно скрывается за скалой, у подножия которой он расположен, так защищен своими укреплениями и самим расположением своей маленькой гавани, что приближение судна совершенно незаметно населению, если любопытствующие не поднимутся на высокий мыс, о котором было говорено. На этом-то возвышении еще блуждали

наиболее жадные до зрелищ, и Рауль в своей изящной морской форме, не без рисовки, так как он прекрасно знал все внешние преимущества, которыми его наделила природа, пробирался среди этой парадной толпы, зорко присматриваясь к каждому хорошенькому женскому личику, нетерпеливо отыскивая Джиту, которую одну ему надо было видеть, ради которой одной он рискнул на свое опасное предприятие.

Он прошел уже из конца в конец все обычное место прогулок и колебался, вернуться ли и опять поискать ее здесь или спуститься в город, когда его нежно окликнул знакомый голос; он быстро обернулся и увидел Джиту.

– Поклонитесь мне холодно и как посторонний, – шепнула она ему торопливо, тяжело дыша, – и сделайте вид, что вы спрашиваете меня о расположении улиц, как бы не зная, как вам пройти. Здесь мы виделись прошлой ночью, но теперь ясный день, не забудьте этого.

Рауль сделал все по ее указанию, и каждый видевший, но не слышавший их разговора, не мог не принять их встречи за совершенно случайную. Между тем он говорил ей слова любви и восхищения.

– Довольно, Рауль, перестаньте, – останавливала она его, невольно краснея и опуская глаза, хотя уж никак нельзя было прочесть неудовольствие в ее нежных и ясных чертах. – Не время теперь, в другой раз вы мне повторите все это. Знаете вы, что ваше положение значительно ухудшилось со вчерашнего вечера? Вчера опасность можно было ожидать только со стороны нашего города, а теперь прибытие этого фрегата, английского, как мне сказали, ухудшает дело.

– Несомненно! Это «Прозерпина», как мне сказал Итуэль, а он в этом уверен. Помните вы Итуэля, дорогая Джита? Того американца, что сидел вместе со мной в заключении? Он служил раньше на этом фрегате, и капитан на нем сэр Броун.

При этом Рауль расхохотался, к крайнему удивлению Джиты.

– Не понимаю, Рауль, что вы можете находить забавного во всем этом? Этот сэр Броун упрячет вас в одну из тех плавучих тюрем, о которых вы мне столько говорили, а эта перспектива далеко не из приятных.

– Полно, полно, дорогая! Сэр Броун, или там сэр Блэк, или сэр Грин (то есть сэр коричневый, черный или зеленый) еще не поймали меня. Я не ребенок, чтобы полезть в огонь, раз меня не водят больше на помочах. «Блуждающий Огонь» светится или гаснет, смотря по обстоятельствам. Десять шансов против одного, что этот фрегат войдет в гавань, чтобы ближе познакомиться с городом, а затем отправится в Ливорно, где уже, конечно, офицерам будет повеселее, чем в Порто-Феррайо. У этого сэра Броуна, наверное, есть также своя Джита, как и у Рауля Ивара.

– Нет, у него нет Джиты, Рауль, – отвечала она, невольно улыбаясь, тогда как румянец еще гуще залил ее щеки, – в Ливорно мало таких простушек, как я, которые выросли в уединенной башне на морском берегу.

– Джита, – возразил Рауль с глубоким чувством, – многие из благородных римлянок и неаполитанок могли бы позавидовать этой одинокой башне, которая помогла вам сохранить вашу чистоту и невинность. Такая жемчужина редко встречается в больших городах, а если и бывает, то скоро теряет свою первоначальную красоту, потому что ее грязнят.

– Что вы знаете о Риме, Неаполе, благородных дамах и жемчужинах, Рауль! – улыбаясь против воли, заметила Джита, и вся нежность, переполнявшая ее сердце, вылилась в эту минуту в том взгляде, который она бросила на него.

– Мне ли не знать, Джита! Я был в обоих этих городах и хорошо знаю то, о чем говорю. Я был в Риме, чтобы повидать святого отца, чтобы самому убедиться в справедливости составившегося у нас во Франции понятия о нем самом и его непогрешимости, прежде чем остановиться на какой-нибудь религии для меня самого.

– И разве вы не нашли его святым и достойным почтения человеком, Рауль? – горячо спросила она его, так как религиозный вопрос был их вечным камнем преткновения. – Я уверена, что вы признали его таковым и достойным стоять во главе древнейшей и единой истинной церкви. Я его никогда не видела, но я не сомневаюсь, что это так.

Рауль знал, что его взгляд на религию представлял единственную преграду, мешавшую ей порвать со всеми остальными связями и согласиться разделить с ним его судьбу, счастливую или несчастную. Но в нем было слишком много прямооты и благородства, чтобы решиться обмануть ее; даже более, он постоянно щадил и оберегал ее собственную твердую и успокоительную для нее веру. Сама эта слабость ее, потому что он считал признаком слабости ее глубокую религиозность, – сама эта слабость имела особую прелесть в его глазах. И теперь он с более чем когда-либо глубокой нежностью смотрел на милое, хотя и встревоженное личико Джиты. Он ответил ей правдивым, хотя несколько снисходительным тоном:

– Ты моя вера, Джита, в тебе я поклоняюсь чистоте, святости и...

– Не говори больше, Рауль, если ты меня любишь! Это страшное богохульство! Скажи лучше, что ты нашел святого отца таким, как я тебе говорю.

– Я увидел в нем кроткого, почтенного и, в чем я твердо убежден, добродетельного старца; но это не более как человек, и я не мог в нем подметить никаких признаков непогрешимости. Его окружали вечно интригующие между собой кардиналы и прочие интриганы, способные скорее привести христианина в отчаяние, чем укрепить в нем веру.

– Довольно, Рауль, я не могу слышать таких речей. Вы не знаете этих святых людей, и ваш язык враг ваш, иначе... Слышите? Что это значит?

– Выстрел с фрегата! Я должен узнать, в чем дело. Когда и где мы увидимся?

– Не знаю. Но теперь мы слишком долго были вместе, нам давно пора разойтись. Доверьтесь мне, я найду средство увидеться. Во всяком случае, мы не замедлим вернуться в нашу башню.

Джита легко убежала, договаривая последние слова, и скоро Рауль потерял ее из виду, она скрылась в городских улицах. С минуту молодой моряк колебался – не последовать ли ему за нею, но раздумал и поспешил на террасу, представлявшую наилучшую смотровую площадку, чтобы по возможности узнать о причине выстрела. Туда же успела вновь набраться толпа, в которую он и вмешался.

«Прозерпина», как совершенно верно признал Итуэль Больт, находилась уже на расстоянии одной мили от входа в бухту и, видимо не удовлетворенная малопонятными ответами люгера на свои сигналы, желала дознаться чего-нибудь более определенного. Это было совершенно ясно для Рауля, внимательно и с пониманием дела следившего за всеми действиями фрегата. У Рауля захватывало дыхание, и он напряженно следил за тем, что собирался теперь предпринять его люгер.

Итуэль, видимо, не торопился. Прошло несколько минут, прежде чем с люгера ответили условными знаками на сигнальные вопросы фрегата. Ответ Итуэля был совершенно непонятен Раулю, который получил от французского правительства лист сигнальных знаков для сношения с военными судами своей родной страны, но не знал, конечно, тех, при помощи которых можно было переговариваться с неприятелем. И тут его выручил Итуэль; еще в бытность свою на службе на этом самом фрегате Итуэль присутствовал как-то при встрече «Прозерпины» с одним английским люгером-корсаром и, благодаря свойственной ему в высшей степени наблюдательности, заметил и запомнил те флаги, которыми люгер отвечал фрегату. Теперь ему пришлось применить к делу свои знания, а в случае каких-нибудь ошибок он рассчитывал на то, что с корсара не станут требовать больших знаний и точности в употреблении сигналов.

Так и случилось: сбивчивость ответов отнесена была к невежеству, а не к дурным намерениям.

Между тем фрегат все шел вперед, и нельзя было решить, хочет ли он бросить якорь в бухте или собирается ближе осмотреть люгер.

Теперь Рауль Ивар решил, что наступила пора самому позаботиться о безопасности «Блуждающего Огня». Он, конечно, сделал распоряжения на случай допроса фрегата, уезжая на берег; но теперь дело начинало принимать слишком серьезный оборот, и Рауль поспешил спуститься с горы. Широко шагая, он наткнулся на Вито Вити, отдававшего надлежащие приказания относительно встречи гостей.

– Вам должна немало улыбаться перспектива встречи с вашим достойным соотечественником, капитаном Броуном, так как, по всей видимости, фрегат собирается бросить якорь в нашей бухте! – обратился к нему подеста, еще не успевший отдышаться после крутого спуска с горы.

– Говоря откровенно, синьор подеста, я и вполтину теперь не так уверен, что это «Прозерпина» с капитаном Броуном. Наоборот, я замечаю некоторые признаки, заставляющие меня предполагать, что это крейсер французской республики, в конце концов, и я считаю себя обязанным поспешить на мой маленький люгер.

– К черту бы провалиться всем этим республиканцам! Вот та скромная молитва, с которой я постоянно обращаюсь к Богу, капитан. Но трудно поверить, чтобы такое прекрасное судно принадлежало этим негодным.

– О, что до этого, – засмеялся Рауль, – то вам ничего не стоит перещеголять их в этом отношении. Лучшие суда Великобритании – это призы, взятые нами у французов. Сама «Прозерпина», если это она, того же происхождения. Но я нахожу, что вице-губернатор слишком поторопился успокоиться, – это судно не отвечает на наши сигналы, оно их не понимает.

Рауль был ближе к истине, чем он сам думал, так как действительно капитан Куф не мог разобрать ответов Итуэля. Наружная искренность Рауля возбудила доверие Вито Вити, и он к нему обратился за советом, как поступить при настоящих затруднительных обстоятельствах.

– Нам надо сделать единственное возможное, – отвечал Рауль с полным самообладанием. – На моей ответственности лежит безопасность моего люгера, вы обязаны позаботиться о спокойствии города. Поэтому я должен поспешить на свое судно, и, может быть, мне даже удастся оказать вам некоторое содействие в том случае, если неприятельский фрегат действительно войдет в вашу гавань.

Все это было сказано самым искренним тоном, совершенно покоровшим подесту. Он немедленно отправил человека к вице-губернатору, а сам вместе с Раулем спустился к пристани.

Подеста был человеком несдержанным. Он громко высказал все свои сомнения относительно фрегата, и чем менее оставалось в нем доверия к благонамеренности этого последнего, тем сильнее и крепче росла в нем вера в капитана маленького люгера. Он почти мгновенно проникся совершенно противоположными убеждениями и, как это всегда бывает при таком внутреннем перевороте, усиленно старался загладить свое прежнее недоверие. Подчиняясь его настроению, и общее мнение также склонилось в пользу Рауля, что было как нельзя более на руку «Блуждающему Огню» с его экипажем, так как перед этим люгер Рауля Ивара начал уже не на шутку тревожить население, заподозрившее в нем его английское происхождение. Одним словом, не подоспей подеста со своими горячими заявлениями полного доверия и расположения, Томазо со своими друзьями уже совсем готов был признать четверых гребцов Ивара за волков в овечьей шкуре, то есть за французов.

– Нет, нет, друзья мои, – говорил Вито Вити, переходя от одной группы к другой, – не все то золото, что блестит, и всего скорее этот фрегат и есть наш самый опасный враг, а люгер за нас: синьор Смит показал нам свои бумаги, он много рассказывал нам об обычаях и нравах своей родины, о ее литературе; синьору Смиту мы вполне верим и даже, как увидите, будем ему, может быть, обязаны за поддержку в минуту опасности.

– Совершенно верно, синьор подеста, – отозвался Рауль, уже сидя в своей шляпке, – а потому я и должен поспешить к своим, чтобы быть наготове в случае какой-либо для вас опасности.

Посылая рукой прощальное приветствие городу, Рауль быстро удалялся от него при восторженных криках «Эввива!».

Войдя на палубу люгера, он лично убедился, что все его распоряжения были в точности исполнены. Тонкая бечева привязывала люгер к кольцу на берегу, и в то же время якорь сидел только слегка, готовый уступить малейшему усилию. Едва капитан ступил на палубу своего люгера, как последний снялся с якоря и подрезал бечеву, что дало ему сильный толчок и заставило его почти врезаться в береговую насыпь. Обманув этим движением собравшуюся на пристани толпу, уже кричавшую ему радостное приветствие, «Блуждающий Огонь» быстро понесся в открытое море. Эта перемена направления движения была так неожиданна, что жители Порто-Феррайо вместе с подестой приняли его в первое мгновение за неудачу, за ошибку, и раздались уже горестные соболезнования по поводу опасности, грозившей теперь маленькому люгеру со стороны фрегата.

Между тем фрегат, в первое мгновение также введенный в обман хитростью «Блуждающего Огня», понял теперь его настоящее намерение. Стрелять в него уже не было возможности, так как при поразительной легкости и быстроте своего хода он уже прошел расстояние, доступное для успешной стрельбы; предстояла так называемая длинная охота, то есть погоня на воде.

Все это продолжалось не более каких-нибудь десяти минут, но тем не менее Андреа Баррофальди и его советники успели подняться на верхнюю террасу мыса как раз в ту минуту, когда люгер его обходил. Рауль стоял на палубе с рупором в руках. Но ветер был не сильный, и он, не прибегая к трубе, громко и ясно произнес:

– Синьоры, я уволю далеко от вашего порта этого негодного республиканца, пусть он за мной погоняется. Это лучший способ оказать вам услугу.

Эти слова были услышаны и поняты. Часть публики ответила на них рукоплесканиями, другая отнеслась недоверчиво, находя дело темным.

Между тем люгер, встретив более крепкий ветер, понесся с невероятной быстротой и скоро совершенно скрылся из виду, повернув в одну из следующих бухт.

«Прозерпина» также не оставалась в бездействии. Едва стало очевидным бегство маленького люгера, как на фрегате все пришло в движение: паруса, как белые облака, окутали его мачты сверху донизу, и он также понесся вслед за удалявшимся «Блуждающим Огнем».

Двадцать минут спустя после того, как люгер пронесся под высоким мысом в виду еще не успевшей разойтись толпы, показался близехонько фрегат. Возникло сомнение, не следует ли наказать выстрелами дерзость осмелившегося подойти так близко неприятеля; но на фрегате снова развевался английский флаг, внушавший страх и почтение, и бедные горожане не знали, за кого же им принять в конце концов это военное судно. Ничто на палубе фрегата не давало ключа к разгадке этой задачи, и, однако, очевидно было для всех, что это судно погналось за люгером, который, выходя из тосканского порта, скорее, должен был ожидать встретить здесь покровительство, а не враждебность. Одним словом, мнения разделились, и, как всегда в таких случаях, было очень трудно на каком-нибудь остановиться. Одно было ясно, что в случае если даже это был французский фрегат, в его намерения не входило причинить какой-нибудь вред городу, а потому большинством голосов решено было не начинать перестрелки.

Через десять минут скрылась из виду и «Прозерпина», которая, завернув в ту же бухту, куда направился «Блуждающий Огонь», увидела его перед собой на расстоянии доброй мили, так что удача преследования становилась более чем сомнительной. Тем не менее фрегат не оставлял своего намерения, и одно время ему удалось даже немного сократить расстояние, хотя вслед за тем пришлось, несомненно, убедиться в недостижимости цели; люгер, точно пользу-

ясь случаем выказать все свои достоинства, прямо кокетничал и рисовался своей легкостью, грацией и быстротой; он подвигался на шесть сажений, в то время как фрегат уходил на пять.

Капитан Куф сознавал всю тщету погони; к тому же он не был уверен, неприятельское ли это судно, хотя его ответы на сигналы с фрегата были очень подозрительны; но между тем он уходил из дружеского порта.

Но вот люгер подошел всего на несколько часов расстояния от восточного берега Корсики, изобилующего бухточками, в которых ничего не стоило скрыться такому маленькому судну. Тогда опытный капитан направился к северу, как бы пробираясь к Ливорно или к Генуэзскому заливу. Заметив перемену направления фрегата, люгер, прикрытый западным выступом острова Эльбы, совершенно скрылся из виду, собираясь, по-видимому, обогнуть этот остров.

Эта погоня двух судов, естественно, сильно заинтересовала население городка Порто-Феррайо, являясь событием в их монотонной жизни. Несколько любопытных верхом на лошадях, перебираясь с одной возвышенности на другую, проследили это занимательное состязание и привезли в город известие о его результате. Теперь, хотя были еще сомневающиеся люди, но большинство примкнуло к мнению подесты – горячего защитника Рауля. Он не поскупился на яркие краски, а заключил свою речь выражением полнейшей уверенности, что на острове Гернсее, население которого было смешанного происхождения, именно и должны были строиться суда такого рода, для того чтобы им было удобнее и безопаснее крейсировать в виду своих соседей – французов.

Посреди всеобщих предположений, догадок, сомнений и опасений одно только лицо молча переживало самые разнообразные, быстро сменявшие одно другое впечатления. Джита то радовалась, то испытывала чувство смертельной тоски и страха, то благодарила небо, то впадала в полное отчаяние. Ей незачем было высказывать какие-нибудь догадки, поддерживать чьи-нибудь мнения, делать предположения. Она внимательно прислушивалась ко всему, что говорилось около нее, и радовалась тому, что ее свидания с молодым и красивым корсаром прошли никем не замеченными. Наконец все ее тревоги миновали, и осталось одно лишь чувство нежного сожаления, когда вернувшиеся всадники сообщили, что фрегат направился к северу, а люгер, по-видимому, желал пристать к корсиканскому берегу, очевидно, с целью повредить торговле этого враждебного острова.

Глава VII

– В самом деле, сударь, есть бездельники, которые подсматривают, и что, если они окажутся на своем посту?

– Не бойся ничего, ты ничего здесь не потеряешь.

– Я надеюсь, сударь, так как на мне много свертков серебра.

Шекспир. Зимняя сказка

Таково было положение дел в Порто-Феррайо в полдень, то есть как раз в тот час, когда жители наиболее заинтересованы своим обедом, после которого все предаются отдыху. Перед наступлением вечера, когда слегка подуло свежестью с моря, жители снова высыпали на улицу, совершая свою вечернюю прогулку, и местные кумушки снова набросились на различные предположения и догадки по истощенным уже по всем направлениям вопросам.

Внезапно пронесся слух, все более и более подкреплявшийся, что люгер «Крыло-и-Крыло» вновь подплывает к порту с поразительной скоростью, легкостью и уверенностью, как испытанный друг. Это известие с быстротой молнии переходило из уст в уста. Давно не случалось стольких событий сразу в этом мирном местечке. Мужчины, женщины и дети – все бросились на террасу, желая своими глазами убедиться в действительности этого необыкновенного события. Престарелые, слабые и калеки напрасно зывали о помощи, в которой им до сих пор не отказывали, – от них теперь убегали, как от зачумленных, предоставляя им карабкаться на террасу как им угодно. Даже матери, тащившие за собою малых ребятишек, бросали их на полдороге, чтобы самим бежать скорее, рассчитывая найти их при возвращении вниз, куда они неминуемо должны были скатиться, раз не в силах идти вверх. Словом, была полная сумятица, возбуждавшая и смех и пересуды, но, в сущности, совершенно естественная.

Не прошло десяти минут с момента распространения этой последней новости, как на верху террасы собралось уже до двух тысяч человек, в числе которых находились Томазо Тонти, Джита и другие, уже известные читателю, лица. Повторился буквально вчерашний вечер, только с еще большим количеством любопытных и в настоящее время заинтересованных еще горячее.

И действительно, люгер приближался на всех парусах, как лебедь, плывущий к своему гнезду. Английский флаг торжественно развевался на верху реи, а по ходу судна было очевидно, что ему прекрасно известен берег и что он не ожидает никакой опасности. С полным доверием проходил он чуть не под дулами огнестрельных орудий местной батареи, и такую смелость можно было объяснить не иначе, как его признанным положением друга.

– Заметьте, синьор Андреа, – с торжественным видом обратился Вито Вити к вице-губернатору, – ни одно из этих негодных республиканских судов никогда не осмелилось бы подойти таким образом к Порто-Феррайо, а тем более зная, с кем ему придется иметь здесь дело, как это знает этот сэр Смит. Помните, он ходил тут среди нас, ведь это значило бы сунуть голову в львиную пасть, будь он не из наших.

– Вы поразительно переменили ваше мнение на этот счет, сосед Вити, – несколько сухо возразил ему вице-губернатор, в душе которого остался некоторый осадок недоверия к Раулю после его промаха с Цицероном и других неточностей. – Городское начальство должно быть осторожно и сдержанно.

– Пусть заявится человек более благоразумный и осмотрительный, чем бедный подеста города Порто-Феррайо, если таковой отыщется, синьор вице-губернатор, и пусть он это докажет. Я не признаю себя самым праздным и невежественным человеком во владениях великого герцога. Могут оказаться более ученые, как вы, например, ваше сиятельство, но вы не встретите человека более ревностного и преданного своему долгу.

– Я в этом не сомневаюсь, сосед Вити, – добродушно улыбнулся ему Баррофальди. – Я всегда принимал к сведению ваши советы и пользовался вашей помощью. Но желал бы я узнать что-нибудь об этом Цицероне. Признаюсь, я употребил все свое послеобеденное время сегодня на поиски в разных книгах, отыскивая хотя бы малейший намек на это имя.

– И вы не нашли подтверждения того, что он вам сказал?

– Мало того, я не нашел даже нигде этого имени. Правда, там называют английскими Цицеронами лучших ораторов, но это только в виде похвалы, как это делают и другие нации.

– Но согласитесь сами, вице-губернатор, что было бы прямо преступлением подозревать людей, показывающих нам такое полное доверие.

– Да, вы, пожалуй, правы, Вито Вити; несомненно, что «Крыло-и-Крыло» намеревается вторично бросить якорь в нашей бухте, а на это едва ли бы решилось враждебное судно. Распорядитесь же соблюдением всех необходимых формальностей.

Толпа уже начала спускаться с горы, чтобы посмотреть, как будет люгер входить в гавань. Подеста поспешил встретить сэра Смита, едва только дослушал распоряжения вице-губернатора. Андреа Баррофальди считал более для себя приличным остаться там, где он был, и ожидать прихода воображаемого английского офицера. Джита, одна из немногих, также осталась наверху. Сердце ее билось от тревоги за все те опасности, которым подвергал себя дорогой для нее человек из любви к ней, и ее нежность к нему росла.

Джита с Башни, как ее обыкновенно называли знавшие ее, вследствие одного обстоятельства из ее жизни, о котором будет рассказано своевременно, или Джита Караччиоли, что было ее настоящим именем, с детства оставалась сиротой. Благодаря именно этому обстоятельству, она приобрела настоящую силу характера и твердую веру в себя, чего бы ей, наверное, не доставало без этих печальных обстоятельств, так как от природы это была девушка замечательно мягкая. Тетка учила ее хорошим манерам, а дядя, удалившийся от света и весь отдавшийся религии, внушил ей самые твердые религиозные правила и развил в ней крайнюю совесть.

Ее правдивость не позволяла ей одобрить той уловки, прибегнув к которой Рауль получил возможность посетить ее; но, уступая чувству чисто женской нежности, она извиняла ее, тронутая мотивом, побудившим его на этот поступок. Она ужасалась при мысли о тех хитростях и той лжи, которые являлись для Рауля неизбежными спасительными ширмами. Ежеминутно трепетала она, ожидая всегда возможной вспышки, могущей повлечь за собою даже пролитие человеческой крови, и в то же время она была глубоко тронута самопожертвованием любимого человека ради нее. Рассудок ей давно говорил, что Рауль Ивар и Джита Караччиоли должны быть чужими друг для друга, но сердце ее шептало ей совсем другое. Настоящий случай как раз обострил эту постоянно происходившую в ней борьбу, и, оставшись на высоте, она погрузилась в глубокое раздумье, и на ее глаза беспрестанно набегали слезы.

Однако в планы Рауля вовсе не входило поместить свое судно так близко к населенному городу. Вместо того чтобы войти в самую гавань и здесь искать защиты от всякого республиканского крейсера, он, наперекор общему ожиданию, снова бросил якорь приблизительно там же, где стоял раньше. Рауль спустился в шлюпку и подплыл налегке к пристани.

– Э, синьор капитан! – дружески приветствовал его Вито Вити, едва только он ступил на берег. – Мы вас здесь ждем, чтобы, так сказать, принять вас в свои объятия. Славно вы провели этих санкюлотов! Англичане – великая нация! Мне вице-губернатор порассказал кое-что про ваших соотечественников.

Рауль великодушно принял все комплименты, расточаемые подестой ему и его нации, снисходительно пожал ему руку – словом, разыграл как нельзя лучше роль великого человека, с детства привыкшего к фимиаму. Как и подобало его положению, он немедленно заявил, что желает сейчас же отправиться к начальнику острова.

– Король Георг, – говорил он, идя рядом с Вито Вити по направлению к дому вице-губернатора, – особенно настаивает на том, чтобы мы немедленно являлись к начальникам посещаемых нами мест. Еще когда я видел его в последний раз, он сказал мне: «Смит, вы нисколько не уроните своего достоинства, если будете соблюдать правила вежливости».

– Вы счастливы, имея короля с такими взглядами, и счастливы вдвойне вашей близостью к нему.

– О, что до этого, то все моряки пользуются особым его расположением; а на нас, капитанов, он прямо смотрит как на своих детей. «Заходите ко мне во дворец, дорогой Смит, – говорил он мне каждый раз, – как вы будете приезжать в Лондон. Вы всегда во мне найдете отца». Вы, конечно, знаете, что один из его сыновей служит в морской службе? Еще недавно он был таким же капитаном, как и я, этот его сын.

– Святой Стефано! Сын такого великого короля! Признаюсь вам, я ничего этого не знал, синьор.

– В Англии существует закон, в силу которого король обязан, по крайней мере, одного из своих сыновей отдавать в морскую службу.

Рауль играл роль, и он любил эту роль большого человека; но вследствие своей необузданной фантазии и отчаянной смелости всегда рисковал перейти границу вероятного и навлечь на себя неприятности. Но беседа с подестой, невежественным поклонником всего необычайного, не могла ему грозить никакой опасностью; тот был счастлив, что говорит с человеком, удостоившимся личной беседы с государем. Он не мог удержаться от желания вслух высказать нахлынувшие на него мысли:

– Разве не величайшее счастье служить такому королю и даже умереть за него!

– Я еще не испытал этого последнего счастья, – невиннейшим образом отвечал Рауль, – но это может случиться не сегодня завтра. Не думаете ли вы, синьор подеста, что люди, жертвующие своей жизнью за государя, должны были бы быть причтены к лику святых?

– Это переполнило бы календари, синьор, в настоящее военное время; но я согласен с вами, если сделать исключение в пользу генералов, адмиралов и других высокопоставленных лиц. Таким образом, французы-республиканцы, естественно, лишаются этой чести.

– О, это все каналы, от первого до последнего! Пусть вернут Бурбонов, тогда и получают законное право на достижение этого блаженства. А скажите-ка, синьор Вито Вити, позабавила город сегодняшняя гонка?

Подеста воспользовался этим вопросом, чтобы поведать Раулю все перенесенные им ощущения, тревоги и восторги.

Между тем они подошли к террасе, по которой нетерпеливо прохаживался Андреа Баррофальди.

Он встретил Рауля вежливо и без малейшей тени недоверия, но гораздо холоднее, нежели подеста.

– Я являюсь к вам, синьор вице-губернатор, – заговорил капитан люгера-корсара, – по приказанию моего государя; являюсь, чтобы почтительно заявить вам о моем вторичном прибытии во вверенные вам владения, хотя мое отсутствие после первого моего визита к вам и не было столь продолжительно, как, положим, путешествие в Восточную Индию.

– Как ни кратковременно было ваше путешествие, синьор, но мы сожалели о вашем отъезде, тем более что вы только что перед тем заявили себя таким искусным моряком. Очень рады вас снова увидеть и надеемся, что так же, как и ваш английский Цицерон, вы доставите нам в этот второй приезд еще больше удовольствия, чем в первый.

Рауль не мог сдержать улыбки и легкой краски, выступившей у него на лице; но он потопился принять вид человека, поглощенного очень серьезными размышлениями. Затем он сказал, обращаясь к вице-губернатору:

– С позволения синьора подесты я попросил бы у вас, синьор вице-губернатор, уделить мне две минуты для частного разговора.

Вито Вити немедленно отошел, а Рауль продолжал:

– Я вижу, синьор, что вы не забыли моего маленького хвастовства Цицероном. Видите ли, я не получил серьезного образования, и, стесняясь своего невежества перед вами, таким высокообразованным человеком, я невольно, желая замаскировать свое незнание, не поспешил на громкие и, к сожалению, малоизвестные мне имена. Ваша доброта дает мне необходимую храбрость сознаться перед вами в этой моей, согласитесь, все-таки довольно невинной выходке.

– Так вы признаете, синьор, что между англичанами не было Цицерона?

– Любовь к истине заставляет меня сознаться, что я никогда о таком писателе у нас не слышал.

– О, мне теперь совершенно понятно ваше поведение, синьор Смит, – сказал вице-губернатор, довольный собой не менее самого подесты. – Тяжело, должно быть, для тонко чувствующей натуры сознание своего невежества. Но вы еще так молоды, и это дело поправимое. Пожалуйста, если вам случится на более продолжительное время заезжать к нам, я всегда к вашим услугам; я горжусь тем, что могу быть полезен в этом отношении... Ну, если в Англии и не было Цицерона по имени, то немало их было по силе таланта!.. А при ваших способностях вы можете далеко пойти.

Рауль поблагодарил его за любезное предложение своего содействия; с этой минуты между ними установились наилучшие отношения. Капитан-корсар получил на самом деле лучшее воспитание, чем он сказал Баррофальди, к тому же от природы он был прекрасным актером, умел ловко льстить, и с этих пор осторожнее высказывал свои суждения о литературе, позволяя себе гораздо большую свободу относительно других предметов разговора. Замечательно, что этот актер, не останавливавшийся ни перед чем для достижения своих целей, никогда не обманывал Джиту и не подделывался под ее вкусы ни в чем. С нею он всегда был самой искренностью, и тому влиянию, которое он приобрел над чистым сердцем молодой девушки, он обязан был не только силе своей к ней привязанности, но и своему благородному мужеству. Поразительно было, в свою очередь, влияние невинности, ясности и простоты Джиты на этого человека, который не посягал обмануть ее в религиозных вопросах, не скрывал перед ней своего неверия, хотя знал, что этот пункт составляет единственное препятствие к их соединению, соединению, о котором он уже с год как горячо мечтал и которое в настоящее время для него было дороже всего на свете.

Не таким он был по отношению к Андреа Баррофальди, Вито Вити и в особенности к англичанам, которых он ненавидел и бывал счастлив, когда мог обмануть их.

Установив, таким образом, наилучшие отношения, вице-губернатор пригласил Рауля зайти к нему в дом. Так как еще не стемнело и, следовательно, еще рано было думать о свидании с Джитой, то Рауль охотно согласился, но предварительно подошел к краю террасы, чтобы еще раз внимательно осмотреть берег. Вице-губернатор воспользовался этой минутой, чтобы сообщить подесте, что Рауль очень мило отказался от своего Цицерона и что хотя, к сожалению, он не получил серьезного воспитания в детстве, но при его способностях может еще достигнуть многого. Подеста был в восторге, что его друг разделяет его симпатию к иностранцу. Между тем Баррофальди поручил ему напомнить сэру Смиту о его обещании зайти, так как желал немедленно показать ему некоторые книги, необходимые для его самообразования.

Тем временем Рауль продолжал всматриваться в море. Он видел два-три небольших береговых судна, не рисковавших пуститься в открытое море, чтобы не наткнуться на рыскающих корсаров или враждебных французов. Эти суда могли представить собой недурную добычу, но к чести Рауля надо сказать, что он не имел обыкновения нападать на суда этого типа. Но вот он заметил фелуку, с севера огибавшую мыс; и он решил завести с ней переговоры, как только

вернется в свой лагерь, с целью узнать, не повстречалась ли она с фрегатом. В ту самую минуту, как он остановился на этом решении, к нему подошел подеста с напоминанием о приглашении от вице-губернатора, и они вошли в дом.

Нет надобности подробно передавать весь последующий затем разговор в доме вице-губернатора; скажем только, что, прикрываясь невежеством более, чем это было на самом деле, Рауль нашел свою роль значительно облегченной и в то же время много выиграл в расположении Баррофальди. Увлекаясь своим стремлением просветить даровитого молодого человека, Андреа совсем замучил его, совершенно этого не подозревая, и когда наконец пообещал ему составить к завтраку на следующий день полный список необходимых для него книг, то Рауль ухватился за возможность раскланяться наконец и ушел после изъявления горячей благодарности и проклиная в душе все ученые книги и длинные толкования по поводу их.

Он облегченно вздохнул, выйдя на воздух; ночь уже наступила, и он направился к обычному месту прогулок. На террасе было пусто, за исключением двух-трех запоздавших любителей вечерних прогулок. Но вот он заметил перед собой женскую фигуру, удалявшуюся в более уединенную часть площадки. Он поспешил к ней и скоро узнал именно ту, которую искал и которая, очевидно, ждала его.

– Рауль, – произнесла Джита с упреком, – как можете вы так отчаянно рисковать? После того как вам удалось благополучно уйти из нашего порта, зачем было возвращаться?

– Вы знаете зачем, Джита, к чему спрашивать? А ведь ловко я вывернулся утром, не правда ли? Ну и провел же я здешнего вице-губернатора; знаете, Джита, я иногда думаю, что пошел не по своей дороге, что я рожден быть дипломатом.

– Почему же именно дипломатом, Рауль? Вы слишком честный человек, чтобы долго обманывать, хотя и способны на это в случаях, подобных настоящему и когда нет другого выхода.

– Ну, все равно, предоставим разбираться в разных вопросах Андреа Баррофальди и Вито Вити, а теперь поговорим о нашем деле, потому что ведь не может «Блуждающий Огонь» вечно украшать бухту Порто-Феррайо!

– Это правда, и я сама шла сюда, чтобы сказать вам это. Мой дядя приехал и хочет ехать в Башню с первой фелукой, какую найдет.

– Вот оно что! Подобные совпадения гораздо сильнее вызывают во мне веру в Провидение, чем всякие обеды и итальянское духовенство. Мой люгер заменит для вас фелуку, и мы можем отправиться хоть сегодня ночью. Моя каюта будет в вашем полном распоряжении, а так как вы будете находиться под охраной вашего дяди, то, надеюсь, никто не скажет ничего дурного.

Говоря правду, Джита ожидала этого предложения и заранее взвесила все за и против. Ей не по душе было плыть на корсаре, капитан которого был ее счастливым избранником, она находила это не особенно пристойным; но, с другой стороны, до Башни было всего несколько часов плавания и к тому же таким способом она уводила любимого человека от могущей ожидать его серьезной опасности, она как бы спасала его, а что значили все досужие сплетни кумушек ввиду такой важной цели для любящего и нежного сердца девушки. Итак, она решила принять предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.